

чистый и по мѣстамъ — рѣчь тщательно отдѣланная. Признаю сочиненіе удовлетворительнымъ для кандидатской степени“.

42) Заслуженнаго ординарнаго профессора Петра Цвѣткова о сочиненіи студента *Филипповича Григорія*: „Догматико-полемическія сочиненія Св. Амвросія Медиоланскаго“:

„Задачею автора означеннаго сочиненія было обозрѣть догматико-полемическія сочиненія Св. Амвросія Медиоланскаго и изложить его догматическое ученіе (стр. 1). Соотвѣтственно этой задачѣ въ первомъ отдѣлѣ сочиненія (стр. 1—32) подъ заглавіемъ „Жизнь Амвросія“ сообщаются біографическія свѣдѣнія о Святителѣ Медиоланскомъ; во второмъ отдѣлѣ (стр. 32—95) подъ заглавіемъ: „Амвросій — писатель“ дается обзоръ его догматико-полемическихъ сочиненій, какъ подлинныхъ, такъ и неподлинныхъ; а въ третьемъ отдѣлѣ (стр. 96—349) подъ заглавіемъ: „Амвросій-богословъ“ излагаются догматическія воззрѣнія, высказанныя имъ въ догматико-полемическихъ сочиненіяхъ.

Наиболѣе обширенъ и болѣе обработанъ третій отдѣлъ сочиненія. Догматическое ученіе Св. Амвросія изложено въ систематическомъ порядкѣ и съ большою подробностію. Изложеніе ученія сопровождается и подтверждается многочисленными выписками изъ догматико-полемическихъ сочиненій Святителя Медиоланскаго. Къ сожалѣнію, авторъ, слишкомъ узко понявъ тему, излагаетъ догматическое ученіе Св. Амвросія исключительно по его догматико-полемическимъ сочиненіямъ, совершенно игнорируя мысли о догматахъ христіанской вѣры, въ обиліи разсѣяныя въ другихъ его сочиненіяхъ, какъ напр. въ сочиненіяхъ истолковательныхъ. Авторомъ не обсуждаются даже и высказанныя въ догматико-полемическихъ сочиненіяхъ мысли Св. Амвросія о догматическихъ истинахъ христіанства. Онъ не пытается вникать въ ихъ точный смыслъ, не пытается выдѣлять характерное и существенное въ нихъ, не пытается сопоставлять и объяснять нѣкоторыя кажущіяся несоотвѣтствія и противорѣчія въ нихъ (ср. стр. 288, гдѣ говорится, что благодать Божія, по ученію Св. Амвросія, предваряетъ обращеніе людей и стр. 293, гдѣ говорится, что, по ученію св. Амвросія, Богъ ожидаетъ нашего обращенія). Никогда онъ не дѣлаетъ и попытки сравнить догматическое ученіе Св. Амвросія съ

догматическими воззрѣніями другихъ, болѣе раннихъ, учителей христіанской вѣры. Вслѣдствіе всего сказаннаго, третья часть сочиненія, наиболѣе обширная и наиболѣе самостоятельная, не только отличается сухостію, но имѣетъ характеръ какой-то недодѣланности, недоконченности.

Что касается другихъ частей сочиненія, то онѣ, особенно первая, имѣютъ самое общее содержаніе. Безъ достаточнаго основанія (ср. стр. 32) біографія Св. Амвросія ограничивается изложеніемъ обстоятельствъ его жизни до епископства.

Немаловажное значеніе имѣетъ сочиненіе г. Филипповича, какъ матеріаль для всесторонняго обзорѣнія догматики Св. Амвросія Медиоланскаго“.

43) Экстраординарнаго профессора Ивана Попова о сочиненіи студента *Фотопулоса Константина*: „Догматическое ученіе св. Максима Исповѣдника“:

„Сочиненіе г. Фотопулоса раздѣляется на введеніе (стр. 1—94), главную часть (стр. 95—310) и заключеніе (311—322). Во введеніи авторъ сообщаетъ краткія свѣдѣнія о жизни и сочиненіяхъ св. Максима Исповѣдника и пытается дать общую характеристику его, какъ богослова. Однако эту попытку нужно признать совершенно неудавшеюся. Характеристика, составленная авторомъ, отличается какою то странною двойственностью. Ея первыя страницы представляютъ собою нѣчто подобное характеристикѣ: авторъ старается здѣсь выдвинуть общія черты изучаемой имъ богословской системы. Но онъ очень скоро покидаетъ эту правильную точку зрѣнія и переходитъ къ простому изложенію догматическаго ученія св. Максима, не имѣющему ничего общаго съ характеристикой. Вслѣдствіе этого въ сочиненіи автора мы имѣемъ два совершенно параллельныхъ и по плану, и по содержанію изложенія догматической системы Максима Исповѣдника,—одно, конспективное, во введеніи, другое, болѣе подробное, въ главной части.

Основные пункты догматическаго ученія св. Максима излагаются авторомъ въ главной части его сочиненія въ порядкѣ общепринятой догматической системы: сначала воспроизводится его ученіе о Богѣ, потомъ о Логосѣ, Духѣ Св., мірѣ, человѣкѣ, послѣдней судьбѣ міра. Методъ—далеко не самый лучшій, однако наиболѣе употребительный даже въ

ученыхъ монографіяхъ этого рода, тѣмъ болѣе позволительно имъ пользоваться въ первой значительной литературной работѣ.

Важнѣе другой недостатокъ изложенія догматической системы св. Максима. Это—его краткость. Многіе пункты ученія св. Максима лишь конспективно намѣчаются авторомъ. Анализъ понятій, требующій сличенія параллельныхъ мѣстъ, почти совершенно отсутствуетъ. Такъ какъ авторъ въ своемъ изслѣдованіи скользитъ по поверхности предмета, ограничивается лишь общими очертаніями изучаемой системы и не проникаетъ въ глубину, то для него все кажется яснымъ. Онъ не видитъ проблеммъ въ пониманіи ученія св. Максима.

Изложеніе ученія извѣстнаго писателя пріобрѣтаетъ научный интересъ лишь въ томъ случаѣ, если выясняется съ одной стороны степень его зависимости отъ предшествующихъ писателей, съ другой — степень его оригинальности въ постановкѣ и разрѣшеніи новыхъ вопросовъ, равно какъ и въ переработкѣ полученнаго по наслѣдству матеріала. Эта сторона вопроса почти не затронута авторомъ. Правда, онъ говоритъ о зависимости св. Максима отъ Каппадокійцевъ и сочиненій, извѣстныхъ съ именемъ Діонисія Ареопагита, и утверждаетъ, что эта зависимость не была рабской. Однако, далѣе словъ и указанія нѣкоторыхъ совпаденій въ ученіи этихъ писателей авторъ не идетъ. Детальнаго изслѣдованія этого вопроса въ сочиненіи г. Фотопулоса мы не встрѣчаемъ.

Перечисленные недостатки уменьшаютъ достоинство сочиненія г. Фотопулоса, но не препятствуютъ признать его удовлетворительнымъ. Важнѣйшую заслугу автора составляетъ то, что онъ хорошо изучилъ свой источникъ — подлинныя сочиненія св. Максима Исповѣдника. Это должно было потребовать отъ него много труда и времени въ виду многочисленности, обширности и неясности въ изложеніи сочиненій св. Максима.

Кромѣ источника авторъ познакомился и со всею литературою предмета, какую только могъ собрать. Въ общемъ онъ правильно понялъ догматическое ученіе изучаемаго имъ писателя и вѣрно передалъ его. Это даетъ намъ право признать сочиненіе г. Фотопулоса удовлетворительнымъ для присужденія ему степени кандидата богословія.“

44) Ректора Академіи Арсенія, Епископа Волоколамскаго, о сочиненіи студента *Челака Александра*: „Особенности румынскихъ богослужебныхъ книгъ сравнительно съ славянскими“:

„Предметъ сочиненія г. Челака входитъ въ исторію славянско-румынскихъ отношеній со стороны церковно-богослужебной. Окруженные отовсюду славянами, и притомъ единовѣрными, а отчасти и единоплеменными, Румыны съ давнихъ поръ, еще до основанія ихъ княжествъ, Валахіи въ XIII в. и Молдавіи—въ XIV в., находились въ постоянныхъ и тѣсныхъ связяхъ съ Болгарами и другими славянами Балканскаго полуострова, подчиняясь ихъ культурному вліянію. Входя съ самыхъ раннихъ временъ въ составъ Болгарскаго царства, какъ одинъ изъ этнографическихъ элементовъ его, они всенародно должны были, какъ многіе полагаютъ, принять крещеніе одновременно съ Болгарами. Съ этого времени, нужно полагать, введена у нихъ славянская кирилловская азбука и славянское богослуженіе. Славянскій языкъ оставался официалнымъ дипломатическимъ и церковнымъ языкомъ Румыніи до половины XVII столѣтія, когда господа обоихъ княжествъ, молдавскаго—Василій Лупу и валашскаго—Матвей Бессарабъ рѣшили вступить на путь національнаго возрожденія, замѣнить непонятный для простаго народа славянскій языкъ, для чего и завели въ своихъ столицахъ Яссахъ и Тырговищѣ типографіи для печатанія гражданскихъ и церковныхъ книгъ на молдавскомъ языкѣ. Съ этихъ поръ и начался постепенный переводъ богослужебныхъ книгъ на румынскій языкъ въ различныхъ центрахъ церковной жизни обоихъ княжествъ. Само собою разумѣется, что румынская церковь при этомъ не могла сразу же разстаться съ славянскими богослужебными книгами. Тѣмъ болѣе, что въ противовѣсъ этому національному возрожденію, на мѣсто ослабѣвавшаго славянскаго вліянія, начало усиливаться греческое вліяніе. Еще тотчасъ послѣ взятія Константинополя Турками многіе представители восточныхъ православныхъ церквей, какъ высшіе, такъ и низшіе устремились въ пользовавшіяся сравнительною самостоятельностью княжества, гдѣ не только по долгу жили при дворахъ господарей и въ монастыряхъ румынскихъ, но многіе изъ нихъ подвизались здѣсь всю жизнь на практическомъ

и литературномъ поприщахъ для улучшенія бѣдственнаго еостоянія своихъ церквей и для облегченія участи Грековъ и другихъ православныхъ христіанъ Востока. Мало по малу греческое вліяніе стало чувствоваться на всѣхъ сторонахъ румынской жизни, а особенно—церковно-богослужебной. Это греческое вліяніе достигло своего апогея въ 18-мъ вѣкѣ, въ періодъ правленія грековъ-фанаріотовъ. Подъ прикрытіемъ Порты фанаріоты на господарскихъ престолахъ Румыніи всѣми силами старались эксплуатировать страну и подавить румынскую національность. Особенное же вниманіе обращено было на „эллинизацію“ румынской церкви, которой румынскій народъ такъ былъ преданъ, черезъ назначеніе на митрополичьи и епископскія каведры грековъ, черезъ введеніе въ церквахъ греческаго богослуженія, черезъ превращеніе румынскихъ духовныхъ училищъ въ греческія и т. п. Но фанаріоты не достигли своей цѣли. Румынская національность не умерла, переводъ богослужебныхъ книгъ на румынскій языкъ не прекращался и нерѣдко изъ среды самихъ грековъ, изъ греческихъ же училищъ, выходили достойные пастыри, прилагавшіе свои знанія и свою энергію къ этому дѣлу. Въ истекшемъ 19 вѣкѣ эта реакція славянскому и греческому вліянію въ сторону національнаго на правленія достигла своей крайности и привела къ увлеченію западно-европейскому, преимущественно Парижскому. Это увлеченіе достигло своего апогея при князѣ Іоаннѣ Кузѣ, въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Куза, какъ бы желая уничтожить всю предыдущую исторію Румыніи и создать новую, воздвигъ гоненіе на православную церковь, на духовенство, видя въ православіи тормазъ для развитія, и имѣя въ виду ввести постепенно католичество въ Румыніи. Въ это время славянская азбука была совершенно изгнана изъ свѣтской литературы и замѣнена вполнѣ латиницей. Мало по малу стала возникать вопросъ и о замѣнѣ славянскихъ буквъ въ богослужебныхъ книгахъ, о пересмотрѣ и переизданіи ихъ. Это и сдѣлано въ послѣднее двадцатилѣтіе прошлаго столѣтія.

Вотъ сколько вліяній переживала Румыніа въ своей исторической жизни. Прослѣдить это вліяніе на богослужебныхъ книгахъ румынскихъ и составляетъ задачу сочиненія г. Челака. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ вопросъ имѣетъ всѣ права

на научное обследованіе и вызывается общими требованіями со стороны церковно-историческихъ, церковно-археологическихъ и литургическихъ наукъ. И дѣйствительно, нѣсколько страннымъ является то обстоятельство, что тогда какъ на русскомъ языкѣ мы имѣемъ обстоятельнѣйшее изслѣдованіе объ униатскихъ богослужебныхъ книгахъ (прот. А. Хойнацкаго: „Западно-русская церковная унія“), и почти ничего не имѣемъ о православныхъ богослужебныхъ книгахъ, изданныхъ на молдавскомъ языкѣ, кромѣ попутныхъ замѣтокъ въ научныхъ статьяхъ проф. П. А. Сырку, г. А. И. Яцимирскаго и Г. П. Самурыяна. Кромѣ этой чисто научной стороны изслѣдованіе молдавскихъ богослужебныхъ книгъ имѣетъ и практическія цѣли. Какъ извѣстно, Бессарабія, присоединенная къ Россіи въ 1812 году, вошла въ составъ нынѣшней Кишиневской епархіи. Среднюю часть ея, входившую въ составъ Ясской митрополіи и Хушской епископіи, населяютъ молдаване, и теперь еще въ селахъ совершается богослуженіе по молдавскимъ книгамъ, хотя мало по малу входятъ въ употребленіе и русско-славянскія книги. Въ виду нѣкотораго различія тѣхъ и другихъ книгъ въ молитвословіяхъ и обрядахъ, а вслѣдствіе этого и въ богослужебной практикѣ, церковная власть испытываетъ иногда затрудненія въ своихъ административныхъ распоряженіяхъ.

Сочиненіе г. Челака раздѣляется на двѣ части. Первая часть (9—513 стр.) посвящена сравненію собственно румынскихъ и аналогичныхъ имъ греческихъ богослужебныхъ книгъ съ нашими славянскими. Она раздѣляется на три главы, соотвѣтственно обычной классификаціи богослужебныхъ книгъ: 1) книги, относящіяся къ богослуженію общественному: служебникъ, часословъ, псалтирь, октоихъ, постная тріодь, цвѣтная тріодь и мѣсячныя минеи; 2) книги, относящіяся къ богослуженію частному: требникъ и 3) книги, относящіяся къ богослуженію общественному и частному: евангеліе и апостолъ.

Вторая часть (513—568) посвящена исторіи бессарабскихъ богослужебныхъ книгъ, напечатанныхъ въ типографіи Кишиневского архіерейскаго дома, и зависимости ихъ отъ славяно-россійскихъ и собственно-румынскихъ.

Результатъ, къ которому пришелъ авторъ въ обширной первой части своего изслѣдованія послѣ подробнѣйшаго

сопоставленія разныхъ богослужебныхъ книгъ—славянскихъ румынскихъ и греческихъ—тотъ, что румынская церковь заимствовала свои настоящія богослужебныя книги изъ Греціи. Но во многихъ богослужебныхъ книгахъ, особенно въ Минеѣ, замѣтно значительное вліяніе и славянскихъ изданій, которыя хотя тоже заимствованы изъ Греціи, но отличаются особенностями молитвословій и чинопослѣдованій.

Результатъ, положимъ, вѣрный, но недостаточно обоснованный, вслѣдствіе отсутствія у автора достаточнаго количества изданій богослужебныхъ книгъ на греческомъ, молдавскомъ и славянскомъ языкахъ,—что сообщаетъ его труду только относительную научную цѣнность. Самъ авторъ сознаетъ это и не разъ при сопоставленіи той или другой богослужебной книги съ сокрушеніемъ говоритъ: „Мы не могли для всѣхъ особенностей (положимъ) румынскаго служебника указать параллелей въ его оригиналахъ за недостаткомъ большаго количества молдавскихъ и греческихъ источниковъ“ (изданій). Кромѣ того, автору не удалось сдѣлать опыта сопоставленія надъ однимъ опредѣленнымъ изданіемъ румынскихъ церковныхъ книгъ, а надъ разновременными изданіями ихъ, какія попадались автору, съ различнымъ достоинствомъ перевода,—что сообщаетъ и выводитъ его часто характеръ проблематичности. Наконецъ, авторъ не принялъ во вниманіе того, что терминъ „славянскій“ слишкомъ обширный этнографическій терминъ, обнимающій и болгаръ, и сербовъ, и русскихъ и т. д. Если въ изданіяхъ богослужебныхъ книгъ — Кіевскихъ и Московскихъ—встрѣчаются разности, то тѣмъ болѣе ихъ можно встрѣтить въ изданіяхъ сербскихъ и болгарскихъ. Автору нужно было это имѣть въ виду, и указывать, какое же именно „славянское“ вліяніе сказалось въ переводѣ известной книги на румынскій языкъ, а не ограничиваться употребленіемъ общаго термина „славянскій“.

Результаты изслѣдованія второй части, значительно меньшей по объему, совершенно опредѣленны и научно обоснованы. Это объясняется существованіемъ печатныхъ изслѣдованій по данному вопросу, а также и рукописнымъ архивнымъ матеріаломъ, хранящимся въ Кишиневской Консисторіи, которымъ авторъ и пользовался. Исторія переизданія и перевода книгъ на молдавскомъ языкѣ для нуждъ

новоприсоединенной въ 1812 году Бессарабіи тѣсно связана съ именами перваго Архипастыря вновь образованной Кишиневской епархіи митрополита Гавріила Бонулеско-Бодони, бывшаго прежде митрополитомъ Кіевскимъ, а затѣмъ Молдо-Влахійскимъ экзархомъ, и викарія его преосв. Димитрія Сунимы, преемствовавшаго потомъ митроп. Гавріилу. Митрополиту Гавріилу Бессарабія всецѣло обязана какъ своимъ гражданскимъ и церковнымъ устройствомъ, такъ и постепеннымъ приспособленіемъ ея къ русской гражданственности и условіямъ церковной жизни. Заботясь объ улучшеніи всѣхъ сторонъ церковной жизни, которая вслѣдствіе прежнихъ политическихъ условій находилась въ крайнемъ упадкѣ, митр. Гавріиль обратилъ особенное вниманіе на снабженіе церковей молдавскихъ, которыхъ тогда было болѣе половины, богослужебными книгами, недостатокъ въ коихъ былъ особенно чувствителенъ. Съ этою цѣлью онъ рѣшилъ основать типографію при Кишиневскомъ архіерейскомъ домѣ. Св. Синодъ одобрилъ ходатайство митрополита и разрѣшилъ открытіе типографіи, но подѣ тѣмъ условіемъ, что печатаемая въ ней книги на молдавскомъ языкѣ переводились съ русско-славянскихъ книгъ, изданныхъ Московскою Синодальною типографіею. Этимъ самымъ не разрѣшалось распространять въ Бессарабіи черезъ посредство мѣстной типографіи церковно-богослужебныхъ книгъ собственно румынскаго происхожденія. Между тѣмъ такое ограниченіе, проведенное во всемъ своемъ объемѣ, въ виду особенностей славянскихъ и молдавскихъ книгъ, къ которымъ привыкли Бессарабскіе молдаване, не могло не возбудить нѣкотораго недовольства этихъ новыхъ подданныхъ. Во избѣжаніе этого митр. Гавріиль, весьма чуткій къ потребностямъ своей новой паствы, рѣшилъ ходатайствовать предъ Св. Синодомъ о смягченіи этого условія и о дозволеніи ему на первыхъ порахъ печатать нѣкоторыя богослужебныя книги съ ихъ молдавскими особенностями. Св. Синодъ одобрилъ предложеніе митрополита печатать книги „по прежнему разсмотрѣнію“. Этимъ и опредѣлилась вся исторія богослужебныхъ книгъ на молдавскомъ языкѣ, печатавшихся въ типографіи Кишиневского архіерейскаго дома. На нихъ отразились два вліянія: славяно-россійское и румынское. Причемъ, по близости Бессарабіи къ Кіеву, переводились по преимуществу

богослужебныя книги Кіевскаго изданія.—Въ Кишиневской типографіи за все время существованія ея съ 1814—83 г.г. отпечатаны слѣдующія богослужебныя книги на молдавскомъ языкѣ: служебникъ, псалтирь, общая минея, требникъ, цвѣтная тріодъ, евангеліе, типиконъ, анеологіонъ, октоихъ, часословъ и постная тріодъ.

. Авторъ предварительно объясняетъ обстоятельства печатанія той или другой книги, а затѣмъ указываетъ на особенности ея по сравненію съ молдавскими или русско-славянскими. Такъ какъ вторая часть частію основана на выводахъ первой части, то она по объему значительно меньше, но по опредѣленности выводовъ и научной обоснованности по указаннымъ нами причинамъ, она превосходитъ первую.

Указанные нами недочеты въ сочиненіи г. Челака большею частію объясняются условіями срочности работы, а также невозможностью достать всѣ книги, доступныя для изслѣдованія только на мѣстахъ, напр. въ румынскихъ книгохранилищахъ; такъ что на эти недочеты нужно смотрѣть скорѣе какъ на наши desiderata, которыя при другихъ условіяхъ быть можетъ и будутъ выполнены. Разматривая же этотъ трудъ самъ по себѣ, я нахожу его вполне удовлетворительнымъ для кандидатской степени. Всякій, кто знакомъ съ подобнаго рода работами, знаетъ также, какую массу труда, и притомъ самаго кропотливаго требуютъ онѣ. И г. Челакъ вполне добросовѣстно потрудился надъ сличеніемъ множества богослужебныхъ книгъ, обнаруживъ при этомъ, при прекрасномъ знаніи молдавскаго и греческаго языковъ, способность къ научнымъ работамъ, и притомъ въ такой области, которая имѣетъ еще весьма мало работниковъ“.

45) Экстраординарнато профессора Ивана Андреева о сочиненіи студента *Чернявскаго Василія*: „Анастасій, бібліотекаръ римскій, и его дѣятельность въ пользу папства“:

...Значеніе личности Анастасія авторъ при одномъ случаѣ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: „Время правленія папы Николая I-го было временемъ самой упорной борьбы и лихорадочной дѣятельности въ пользу духовнаго авторитета римскаго престола (стр. 321)... Николай I былъ личностію, съумѣвшей поднять значеніе папы до небывалой высоты. На пути къ достиженію всевластія папа Николай встрѣчалъ почти непреодолимыя препятствія, съ которыми онъ вель

упорную борьбу. Борьба съ свѣтской властью, оспаривавшей у папы по частямъ господство надъ вселенной, борьба съ сепаратизмомъ церкви, порожденнымъ феодальными перегородками, и борьба съ греческою церковью, отрицавшей за папой его право на главенство въ церкви и вселенскаго учителя вѣры,—таковы трудности, съ которыми пришлось бороться папѣ Николаю I... Главнымъ совѣтникомъ и дѣятельнымъ помощникомъ этого папы былъ бібліотекаръ Анастасій. На долю послѣдняго падала невидимая, черновая работа, которая давала однако точку опоры для всѣхъ начинаній папы и ручалась за ихъ успѣхъ. Во всей дѣятельности папы Николая, напоминающей работу стройной и исправной машины, роль папы можно сравнить, если сравненія что-либо объясняютъ, съ капитаномъ парохода, стоящимъ у всѣхъ на виду, но соединеннымъ рупоромъ съ невидимымъ машинистомъ, роль котораго въ данномъ случаѣ выполнялъ Анастасій“ (стр. 158—9).

Свое дѣло укрѣпленія авторитета папы Анастасій велъ литературнымъ путемъ. Обзорніе его литературныхъ трудовъ и составляетъ задачу работы г. Чернявскаго. Эту задачу авторъ рѣшаетъ въ обширномъ введеніи (стр. 1—164) и двухъ главахъ (частяхъ) изслѣдованія, изъ коихъ первая обнимаетъ стр. 1—112, а вторая стр. 112—422.

Во введеніи авторъ даетъ очеркъ развитія папскихъ идей и власти къ IX в. (стр. 1—120) главнымъ образомъ на основаніи книги кн. Е. Трубецкого и статей г. Вязигина въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ и затѣмъ опредѣляетъ задачи, стоявшія предъ папствомъ IX в.: а) борьба съ свѣтскою властію, б) борьба съ сепаратизмомъ церкви и в) борьба съ греческою церковью.

Изслѣдованіе отвѣчаетъ на вопросъ, какъ Анастасій поддерживалъ папство въ этой борьбѣ. Въ главѣ (части) 1-й авторъ даетъ свѣдѣнія о жизни Анастасія (стр. 1—75), перечисляетъ его литературныя работы, опредѣляетъ время ихъ появленія (стр. 75—112). Въ двухъ отдѣлахъ второй обширнѣйшей главы г. Чернявскій даетъ анализъ *Liber pontificalis* (стр. 112—336) и актовъ собора 869 г., переведенныхъ Анастасіемъ (стр. 336—422).

О жизни Анастасія сохранилось мало извѣстій, да и тѣ очень разнорѣчивы. Авторъ старательно пересмотрѣлъ и со-

гласиль эти извѣстія. Хотя и скудныя, біографическія данныя рисуютъ Анастасія челоѡкомъ, бурно проведеннымъ свою жизнь, образованнымъ, способнымъ и ловкимъ. Г. Чернявскій сдѣлалъ для біографіи Анастасія все, что можно теперь для нея сдѣлать.

Въ составъ *Liber pontificalis* входятъ нѣсколько частей: каталоги, составленные при папахъ Либеріѡ и Феликсѡ, *vita* папъ послѣ Феликса и *vita Nicolai*. Анастасію принадлежитъ цѣликомъ только послѣдняя *vita*. Въ отношеніи къ остальнымъ частямъ *Liber pontificalis* Анастасіѡ является только редакторомъ. Слѣды этой редакторской работы отмѣчены г. Чернявскимъ очень умѣло и старательно:

Приступая къ анализу частей *Liber pontificalis*, авторъ даетъ прежде всего обстоятельныя свѣдѣнія о происхожденіи папскихъ каталоговъ (стр. 112—115). Затѣмъ онъ пытается поставить составленіе каталоговъ при Либеріѡ и Феликсѡ въ связь съ особо важными моментами въ жизни папства (стр. 115—159). Жизнеописанія папъ послѣ Феликса имѣютъ, по автору, задачей оправдать отдѣленіе Запада отъ Востока и союзъ папъ съ Франками (стр. 177—321). Вся вина въ этомъ разрывѣ взваливается на византійскихъ императоровъ и патріарховъ. — Наконецъ, *vita Nicolai* представляетъ собою восхваленіе дѣятельности этого сильнаго противника Фотія.

Во всѣ трудныя минуты своей жизни папство считало нужнымъ оглянуться назадъ, въ прошломъ поискать опоры и ободренія—таковъ основной мотивъ появленія отдѣльных частей *Liber pontificalis* и всего ея состава изъ-подъ пера Анастасія. Г. Чернявскій подробно слѣдитъ за исторіей отношеній Востока и Запада и всюду подчеркиваетъ, какъ составители жизнеописаній папъ тенденціозно перекраивали эту исторію. Здѣсь очень много остроумныхъ догадокъ и выводовъ; которые искупаютъ нѣкоторую растянутость этого отдѣла.

Переводъ Анастасіемъ актовъ собора 869 г. даетъ автору поводъ коснуться положенія дѣлъ въ Восточной церкви. Онъ говоритъ о борьбѣ папъ съ Фотіемъ (336 — 345), даетъ характеристику партій Игнатіанъ и Фотіанъ (стр. 346—362), ведетъ рѣчь о приготовленіи къ собору 869 г. (стр. 362—402), анализируетъ исторію собора (402—418) и высказываетъ сужденіе о переводѣ актовъ Анастасіемъ. Здѣсь автору при-

ходилось нерѣдко идти по пути, проторенному А. П. Лебедевымъ, но онъ предлагаетъ и многія свои остроумныя и цѣныя соображенія и объясненія.

Сочиненіе г. Чернявскаго не закончено. Но главное во всякомъ случаѣ сдѣлано и это сдѣланное заслуживаетъ похвалы. Авторъ вполне овладѣлъ громоздкимъ матеріаломъ работы. Какъ извѣстно, *Liber pontificalis* представляетъ собой очень обширный сборникъ. Г. Чернявскій изучилъ этотъ сборникъ вполне основательно, что должно было потребовать не малаго труда.—Точка зрѣнія на дѣятельность Анастасія, усвоенная авторомъ, сообщаетъ всѣмъ его изысканіямъ единство и вноситъ порядокъ въ эту груды съ виду беспорядочнаго матеріала. Авторъ всюду выказываетъ себя зрѣлымъ работникомъ. Тонъ изложенія его ровный, покойный и совершенно серьезный. Слогъ автора подкупаетъ своею опрятностію, а мѣстами и изяществомъ. Все сочиненіе читается съ удовольствіемъ.

Принимая во вниманіе, что г. Чернявскому пришлось работать на полѣ, почти не тронутымъ другими не-католическими изслѣдователями, признаю сочиненіе его весьма хорошимъ.

Авторъ достоинъ степени кандидата богословія“.

46) Исправляющаго должность доцента Ильи Громогласова о сочиненіи студента *Юдина Николая*: „Мѣры гражданскаго правительства въ отношеніи къ расколу за первое столѣтіе его существованія (до Петра III-го)“:

„Названное сочиненіе начинается предисловіемъ (стр. 1—14), въ которомъ авторъ, выяснивши предварительно задачу своего изслѣдованія, указываетъ тѣ источники и пособия, какими онъ пользовался для своей работы. Содержаніе этой послѣдней онъ, держась хронологическаго порядка, дѣлитъ на три главы. Первая глава (стр. 15—94) излагаетъ правительственныя мѣропріятія противъ раскола со времени его возникновенія до царствованія Петра Великаго. Это, по изображенію автора, такой періодъ, когда гражданская власть, держась на расколъ точки зрѣнія власти духовной, видѣла и преслѣдовала въ немъ „церковный мятеж“, примѣняя къ нему и самыя „градскія казненія“ по приговору и указанію церковныхъ соборовъ и церковно-іерархическихъ лицъ. Предметомъ второй главы (стр. 95 — 181) служатъ мѣропріятія

гражданскаго правительства въ отношеніи къ расколу въ царствованіе Петра В., характеризующееся въ первой своей половинѣ (до 1714 г.) широкою терпимостью къ расколу, какъ чисто религіозному заблужденію, не вредящему государственнымъ интересамъ, смѣняющеюся, однако, во второй половинѣ царствованія суровымъ отношеніемъ Преобразователя къ раскольникамъ, какъ „упорнымъ противникамъ его гражданскихъ нововведеній и хулителямъ его политическихъ идей и стремленій“. Изобразивши способы правительственнаго воздѣйствія на расколъ, вытекавшія изъ этой новой точки зрѣнія на него, авторъ въ концѣ главы довольно подробно останавливается и на выясненіи причинъ ихъ неуспѣшности, высказывая при этомъ рядъ вѣскихъ и основательныхъ соображеній. Правительственныя мѣропріятія послѣдующаго времени, кончая царствованіемъ Елизаветы Петровны, изложены въ третьей главѣ (стр. 182—288). Установивши тѣсную связь ихъ съ петровскимъ законодательствомъ о расколѣ, авторъ отмѣчаетъ происходившія затѣмъ (къ концу изучаемаго періода) перемѣны въ сторону ухудшенія положенія раскольниковъ путемъ новаго ограниченія ихъ правъ и наложенія на нихъ новыхъ обязанностей. Конецъ этой главы, какъ и предыдущей, говоритъ о безуспѣшности правительственныхъ мѣропріятіи и объ ихъ дѣйствительныхъ слѣдствіяхъ — случаяхъ раскольническихъ самоожженій, колонизаціи окраинъ и бѣгствѣ раскольниковъ за границу. Послѣднія страницы сочиненія (288 — 294) представляютъ кратко сформулированные итоги всего изслѣдованія, давая общую характеристику отношеній гражданскаго правительства къ расколу за указанное время и устанавливая ихъ несоотвѣтствіе существованію раскола, какъ явленія духовной жизни русскаго народа.

Не смотря на сравнительно небольшой объемъ свой, сочиненіе г. Юдина исчерпываетъ свой предметъ съ совершенно достаточною полнотою. Авторъ обладаетъ незауряднымъ умѣньемъ объединять разрозненный матеріалъ, подлежащій его изученію, и облекать свои мысли въ стройную учено-литературную форму. Можно было бы пожелать нѣкоторыхъ, не существенныхъ, впрочемъ, перемѣнъ въ распределеніи подробностей содержанія (главнымъ образомъ — въ третьей главѣ), нѣсколько большей строгости и точности

научнаго изслѣдованія (стр. 27, 32—35, 166), устраненія немногихъ, попадающихся въ сочиненіи, шероховатостей стилия (стр. 1, 5, 112, 291). Но и въ настоящемъ своемъ видѣ данная работа по обилію содержанія, правильности приѣмовъ изслѣдованія, основательности выводовъ и достоинствамъ изложенія должна быть признана очень хорошою диссертаціей на искому степень“.

47) Заслуженнаго ординарнаго профессора Василя Соколова о сочиненіи студента *Яницкаго Трифона*: „Историческій очеркъ происхожденія и развитія въ римско - католической церкви ученія о папской непогрѣшимости“:

„Авторъ начинаетъ свое сочиненіе *изложеніемъ* римско-католическаго догмата о папской непогрѣшимости, какъ онъ установленъ былъ декретомъ Ватиканскаго собора. Сторонники этого догмата, говоритъ далѣе авторъ, утверждали и утверждаютъ, что ученіе о непогрѣшимости папы всегда сохранилось церковію и столь-же древне, какъ и сама церковь. Противники же догмата доказываютъ, что онъ представляетъ собою новшество и такого ученія христіанская церковь въ теченіи многихъ вѣковъ совѣмъ не знала. (Вступленіе стр. I—VII) „Спрашивается, можно-ли признать справедливымъ какое-нибудь изъ этихъ противоположныхъ мнѣній, или оба эти мнѣнія нужно признать крайними?“ „Посильнымъ отвѣтомъ на этотъ небезынтересный вопросъ и служить предлагаемый нами историческій очеркъ происхожденія и развитія въ римско-католической церкви ученія о папской непогрѣшимости“. — Такъ самъ авторъ опредѣляетъ задачу своего труда (стр. VIII).—„Но догматъ папской непогрѣшимости“, продолжаетъ далѣе авторъ, „стоитъ въ самой тѣсной и логически-необходимой связи съ догматомъ о папскомъ главенствѣ. Первый есть только логическое слѣдствіе втораго (VIII), а потому „нѣтъ возможности представить происхожденіе и развитіе папской непогрѣшимости (sic!) безъ всякаго упоминанія о происхожденіи и развитіи папскаго главенства. Вотъ почему въ предлагаемомъ очеркѣ не проведена рѣзкая разграничительная черта между тѣмъ и другимъ“ (X.).

Самое изслѣдованіе г. Яницкаго, довольно большое по объему (712 стр.), раздѣляется на шесть главъ, при чемъ первая имѣетъ своимъ предметомъ вопросъ о происхожде-

ни и развитіи папства въ первые три вѣка христіанской исторіи (стр. 1—86); вторая обнимаетъ періодъ вселенскихъ соборовъ (87—270); третья—періодъ высшаго процвѣтанія и могущества папства въ IX—XIII вв. (271—400); четвертая—періодъ упадка папства отъ Бонифація VIII до Тридентскаго собора (401—516); пятая—періодъ отъ Тридентскаго собора до Пія IX-го (517—644); шестая—время правленія Пія IX-го до Ватиканскаго собора (645—712).

Сочиненіе г. Яницкаго представляетъ собою такимъ образомъ полный обзоръ всей исторіи папства, начиная съ первыхъ вѣковъ и оканчивая Ватиканскимъ соборомъ. Такая работа требовала отъ автора весьма не малаго труда и въ этомъ отношеніи онъ дѣйствительно по справедливости заслуживаетъ одобренія. Онъ много потрудился надъ усиленнымъ изученіемъ нѣкоторыхъ латинскихъ первоисточниковъ въ изданіяхъ Migne'я, Mansi, Harduin'a и папскаго Bullarium'a, а также актовъ соборовъ Тридентскаго и Ватиканскаго, сочиненій Беллармина и др. Перечиталъ онъ цѣлый рядъ относящихся къ его предмету изслѣдованій на французскомъ языкѣ, какъ напр. сочиненія Gueranger, Gautier, Maret, Bonnet, Fleury, Bergier, De-Maistre'a и др. Наконецъ, основательно познакомился со множествомъ изслѣдованій и статей на русскомъ языкѣ, каковы напр. труды: Пр. Никанора, ар. Иннокентія, Муравьева, Н. Бѣляева, прот. Лебедева, проф. Лебедева, Геттэ, Сушкова, Иванцова-Платонова, Керенскаго, Арсењева, Ястребова, Налимова, Павловскаго, Януса, Деллингера, Овербека и др.

Широта предмета лишала г. Яницкаго возможности всегда быть самостоятельнымъ, а потому очень часто онъ находитъ себя вынужденнымъ передавать лишь результаты, добытые по тому или другому частному вопросу специальными изслѣдованіями другихъ писателей; но подборъ источниковъ и группировка данныхъ производится авторомъ настолько удачно, что его сочиненіе читается вообще съ неослабвающимъ интересомъ.

Главная и самая существенная слабость труда г. Яницкаго заключается въ недостаточномъ соотвѣтствіи его съ той задачей, которая ему предлежала. Авторъ исходитъ изъ той мысли, что непогрѣшимость невозможно отдѣлить отъ главенства и первая составляетъ необходимое логическое

слѣдствіе втораго. Люди нашего времени, конечно, вполнѣ понимаютъ эту связь; но самъ же авторъ показываетъ, что было время, когда самые ревностные поборники идеи главенства нимаго не думали о непогрѣшимости. Задача автора въ томъ и состояла, чтобы поискать и прослѣдить, когда сознание связи между главенствомъ и непогрѣшимостію стало появляться у поборниковъ папства и какимъ образомъ шло развитіе этого сознанія до того момента, когда оно уже утвердилось вполнѣ и получило значеніе догмата. Въ своемъ сочиненіи авторъ собралъ и раскрылъ немалое количество данныхъ, которыя могутъ служить къ разъясненію вопроса, но эти данныя имѣютъ у него болѣе характеръ матеріала, чѣмъ научнаго раскрытія основной мысли, и притомъ въ значительной степени заслоняются тѣмъ, что не имѣетъ прямого отношенія къ предмету, какъ, напр., элементъ полемиическій, которому авторъ отвелъ въ своемъ сочиненіи гораздо болѣе мѣста, чѣмъ сколько это требовалось свойствомъ его задачи.

Въ сочиненіи г. Яницкаго можно указать и нѣкоторые второстепенные недостатки и промахи какъ съ формальной стороны, такъ и по существу. Странное впечатлѣніе производитъ на читателя напр. то обстоятельство, что о лжеисидоровскихъ декреталіяхъ авторъ подробно разсуждаетъ почему то въ той главѣ, которая имѣетъ своимъ предметомъ періодъ вселенскихъ соборовъ (стр. 172—180). Въ обширной работѣ, конечно, не обошлось дѣло и безъ фактическихъ ошибокъ. Канонизацію японскихъ мучениковъ напр. авторъ совершаетъ дважды: въ 1862 и въ 1867 году (стр. 674, 682); Нію IX-му совершенно напрасно приписываетъ приглашеніе протестантовъ къ участию въ Ватиканскомъ соборѣ (686) мѣсто засѣданій этого собора въ храмѣ Св. Петра называетъ „заломъ“ (698) и т. под. Цитація автора въ общемъ исправна, но сборникъ Гардуина онъ почему-то постоянно называетъ неправильно.

Конечный выводъ мой о сочиненіи г. Яницкаго таковъ: хотя оно вполнѣ и не осуществляетъ своей задачи, но такъ богато по содержанію и настолько свидѣтельствуетъ о трудолюбіи и эрудиціи автора, что по справедливости можетъ быть признано удовлетворительнымъ для присужденія ученой степени кандидата богословія“.

Справка: 1) Устава духовныхъ академій—а) § 132: „По окончаніи испытаній на каждомъ курсѣ составляется Совѣтомъ списокъ студентовъ по успѣхамъ и поведенію. При составленіи списка на четвертомъ курсѣ принимаются во вниманіе успѣхи студентовъ за все время академическаго образованія“. б) § 135: „При окончаніи полнаго академическаго курса студенты академіи удостоиваются степени кандидата богословія и званія дѣйствительнаго студента“. в) § 136: „Студенты академіи, оказавшіе за весь четырехлѣтній курсъ отличные успѣхи и представившіе сочиненіе, признанное Совѣтомъ удовлетворительнымъ для степени магистра, утверждаются въ степени кандидата, съ правомъ полученія степени магистра богословія безъ новаго устнаго испытанія, но удостоиваются этой послѣдней степени не иначе, какъ по напечатаніи сочиненія и удовлетворительномъ защищеніи его въ присутствіи Совѣта и приглашенныхъ Совѣтомъ стороннихъ лицъ (коллоквиумъ)“. г) § 137: „Студенты, оказавшіе въ теченіе четырехлѣтняго курса очень хорошіе и хорошіе успѣхи и представившіе при окончаніи курса удовлетворительное для степени кандидата сочиненіе, утверждаются въ этой степени. Но для полученія степени магистра они должны выдержать новое устное испытаніе по тѣмъ предметамъ, по коимъ не оказали успѣховъ, соответствующихъ сей степени, и представить новое сочиненіе“. д) § 138: „Студенты, оказавшіе въ теченіе академическаго курса посредственные успѣхи и не представившіе сочиненія на степень кандидата или представившіе сочиненіе неудовлетворительное для сей степени, получаютъ званіе дѣйствительнаго студента“. ж) § 139: „Если получившій степень кандидата за весь четырехлѣтній курсъ оказалъ отличные успѣхи въ наукахъ, но не удовлетворилъ требованіямъ относительно сочиненія на степень магистра, или если представилъ сочиненіе, заслуживающее сей степени, но не оказалъ успѣховъ, соответствующихъ оной, то при соисканіи такими лицами степени магистра, Совѣтъ не требуетъ отъ перваго изъ нихъ новаго устнаго испытанія, а отъ послѣдняго новаго сочиненія“. з) § 140: „Примѣнительно къ сему Совѣтъ поступаетъ и при соисканіи дѣйствительными студентами степени кандидата“. 2) Правиль касательно значе-

нія неудовлетворительныхъ балловъ по отвѣтамъ и сочиненіямъ студентовъ академіи—а) § 1: „Въ случаѣ полученія студентомъ на какомъ-либо сочиненіи, за какую-либо изъ проповѣдей, или на устныхъ испытаніяхъ по какому-либо предмету балла ниже 3, но не ниже $2\frac{1}{2}$, считать этотъ баллъ удовлетворительнымъ для степени кандидата лишь въ томъ случаѣ, когда средній баллъ по сочиненіямъ и отвѣтамъ будетъ равняться баллу не ниже 4“. б) § 2: Получившій въ теченіе академическаго курса по одному какому-либо предмету баллъ ниже $2\frac{1}{2}$, но не ниже 2, или по двумъ предметамъ— $2\frac{1}{2}$, по окончаніи полнаго курса удостоивается званія дѣйствительнаго студента съ правомъ на полученіе степени кандидата богословія при окончаніи курса или въ продолженіе слѣдующаго учебнаго года подѣ условіемъ удовлетворительнаго отвѣта на новомъ устномъ испытаніи (при чемъ баллъ должно получить не ниже 4), если неудовлетворительный баллъ былъ поставленъ за устный отвѣтъ, или по представленіи удовлетворительнаго сочиненія (при чемъ баллъ долженъ быть полученъ не ниже 3), если неудовлетворительный баллъ былъ поставленъ за сочиненіе. Примѣчаніе. Право подвергаться испытанію предоставляется всего одинъ разъ“. 3) По § 81 лит. б п. 10 устава духовныхъ академій „присужденіе званія дѣйствительнаго студента и степени кандидата“ значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе Епархіальнаго Преосвященнаго.

Опредѣлили: 1) Окончившихъ полный академическій курсъ студентовъ:

- 1) Пограницкаго—Сергіева Николая,
Войцѣховича Митрофана,
Оптлика Константина,
Троицкаго Ивана,
- 5) Лебедева Николая,
Челака Александра,
Бѣлоусова Стефана,
Тихомирова Алексѣя,
Священника Островскаго Θεодосія,
- 10) Иеромонаха Леонида (Сѣнцова) и
- 11) Чернявскаго Василя—

удостоятъ степени кандидата богословія съ предоставленіемъ

имъ права на полученіе степени магистра богословія безъ новаго устнаго испытанія.

- 12) Егорова Владиміра,
Беневоленскаго Николая,
Знаменскаго Николая,
- 15) Лебедева Сергѣя,
Спасскаго Георгія,
Пискарева Николая,
Третьякова Петра,
Успенскаго Владиміра,
- 20) Померанцева Александра,
Павлова Михаила,
Кедрова Сергѣя,
Артоблевскаго Сергѣя,
Повольни Бранислава, серба, венг. подд.,
- 25) Бурцева Александра,
Драчева Николая,
Свѣгирева Вячеслава,
Яницкаго Трифона,
Ансерова Петра,
- 30) Покровскаго Андрея,
Платонова Александра,
Юдина Николая,
Гапонова Сергѣя,
Григорьева Владиміра,
- 35) Плотникова Виссаріона,
Аванасьева Сергѣя,
Иеромонаха Евгенія (Зернова),
Филипповича Григорія и
- 39) Давидовича Светислава, серба,—
(по снисхожденію къ послѣднему, какъ иностранному уро-
женцу)—
удостоить степени кандидата богословія съ правомъ на по-
лученіе степени магистра по исполненіи требованій, озна-
ченныхъ въ § 137 академическаго устава.
- 40) Бурковича Томо, сербскаго уроженца,
Валюженича Владиміра,
Воробьева Владиміра,
Священника Горбаневскаго Филиппа,

Мачкича Іована, сербскаго уроженца,

45) Никольскаго Алексѣя,

Остроумова Николая,

Попова Леонида,

Саввича Симона, сербскаго уроженца, и

49) Фотопулоса Константина, греческаго уроженца,—

удостоить званія дѣйствительнаго студента Академіи, съ предоставленіемъ имъ, за исключеніемъ священника Филиппа *Горбаневскаго* и греческаго уроженца Константина *Фотопулоса*, права на полученіе степени кандидата богословія: *Бурковичу*—по представленіи новыхъ семестровыхъ сочиненій по теоріи словесности и исторіи иностранныхъ литературъ, исторіи философіи, русской церковной исторіи и нравственному богословію и удовлетворительномъ выдержаніи новаго устнаго испытанія по русскому и церковно-славянскому языкамъ (съ палеографіей) и исторіи русской литературы; *Валоженичу*—по представленіи новаго семестроваго сочиненія по библейской археологіи; *Воробьеву*—по представленіи новаго семестроваго сочиненія по древней гражданской исторіи и одной проповѣди; *Мачкичу*—по представленіи удовлетворительнаго кандидатскаго сочиненія и новыхъ семестровыхъ сочиненій по метафизикѣ и библейской исторіи; *Никольскому*—по представленіи новыхъ семестровыхъ сочиненій по исторіи философіи и библейской археологіи и двухъ проповѣдей; *Остроумову*—по представленіи новаго семестроваго сочиненія по нравственному богословію; *Попову*—по представленіи удовлетворительнаго кандидатскаго сочиненія и *Саввичу*—по представленіи новыхъ семестровыхъ сочиненій по библейской археологіи, патристикѣ, русской церковной исторіи и пастырскому богословію и педагогикѣ и удовлетворительномъ выдержаніи новыхъ устныхъ испытаній по еврейскому языку и библейской археологіи и русской церковной исторіи. 2) Постановленія сіи представить на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

III. Предложеніе Ректора Академіи Арсенія, Епископа Волоколамскаго:

„Долгомъ считаю предложить Совѣту Академіи избрать кого-либо изъ нынѣ окончившихъ академическій курсъ студентовъ для приготовленія въ будущемъ учебномъ году къ

замѣщенію вакантныхъ преподавательскихъ кафедръ въ Академіи“.

Справка: 1) § 54 устава духовныхъ академій: „Для приготовления къ занятію преподавательскихъ вакансій въ Академіи, Совѣту предоставляется оставлять при оной на годичный срокъ наиболѣе даровитыхъ студентовъ, кончившихъ курсъ съ отличнымъ успѣхомъ. *Примѣчаніе.* Лица сіи получаютъ содержаніе изъ особо назначенныхъ для того суммъ, въ размѣрѣ не свыше 700 рублей на cadaго“. 2) По § 81 лит. б п. 5 того же устава „оставленіе при Академіи окончившихъ курсъ студентовъ, для приготовления къ занятію преподавательскихъ кафедръ въ оной, и назначеніе имъ содержанія“ значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе Епархіальнаго Преосвященнаго.

Опредѣлили: 1) Оставить для приготовления въ будущемъ учебномъ году къ замѣщенію вакантныхъ преподавательскихъ кафедръ въ Академіи окончившихъ нынѣ академической курсъ воспитанниковъ *Пограницкаго-Сергіева* Николая и *Войцъховича* Митрофана, съ производствомъ имъ, съ 16 августа текущаго года, содержанія по 700 рублей каждому, за вычетомъ 2% на пенсіи. 2) Мнѣніе сіе представить на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

IV. а) Заявленія стипендіатовъ и самокоштныхъ студентовъ, нынѣ окончившихъ курсъ въ Академіи: *Ансеровъ* Петра, *іеромонаха Евгенія* (Зернова), *Кедрова* Сергѣя, *Никольскаго* Алексѣя, *Пограницкаго-Сергіева* Николая, *Третьякова* Петра, *Филипповича* Григорія и *Юдина* Николая о желаніи ихъ служить по духовно-учебному вѣдомству.

б) Прошеніе окончившаго академической курсъ *Владиміра Валюженича*: „Имѣю честь обратиться къ Совѣту Академіи съ покорнѣйшей просьбой препроводить мои документы не въ Минскую Духовную Консисторію,—мѣсто моего рожденія, а въ Московскую, такъ какъ я и воспитывался и проживаю въ настоящее время въ Московской Епархіи“.

Справка: Определеніемъ Святѣйшаго Синода отъ ^{3 марта} 11 апрѣля 1892 года за № 590 предписано Совѣтамъ Академій, чтобы они не позже 15 іюля доставляли въ Святѣйшій Синодъ свѣдѣнія объ окончившихъ курсъ студентахъ, имѣющихъ

священный санъ, а въ Учебный Комитетъ сообщали списки всѣхъ прочихъ студентовъ какъ казеннокоштныхъ, такъ и тѣхъ изъ своекоштныхъ, которые изъявляютъ желаніе служить по духовно-учебному вѣдомству съ обозначеніемъ въ томъ и другомъ случаѣ: а) мѣста ихъ происхожденія; б) отмѣтокъ объ ихъ успѣхахъ и поведеніи; в) требуемыхъ опредѣленіями Святѣйшаго Синода отъ ^{25/27} апрѣля 1884 года и ^{27 января} _{17 февраля} 1888 года свѣдѣній о томъ, кто изъ нихъ на какую учительскую кафедру или должность въ семинаріяхъ и училищахъ признается болѣе способнымъ, а относительно тѣхъ, которые не имѣютъ полнаго балла по поведенію, свѣдѣній, на основаніи инспекторскихъ записей, о качествахъ совершенныхъ ими во время пребыванія въ Академіи проступковъ, и чтобы, по сообщеніи Святѣйшему Синоду и Учебному Комитету вышеупомянутыхъ свѣдѣній, обращали всѣхъ казеннокоштныхъ студентовъ, а равно и тѣхъ изъ своекоштныхъ, которые по окончаніи академическаго курса заявили о своемъ желаніи служить по духовно-учебному вѣдомству, въ епархіи, по принадлежности, съ выдачею имъ на проѣздъ билетовъ, а казеннокоштнымъ и прогонныхъ денегъ и съ отсылкою документовъ таковыхъ студентовъ въ подлежащія духовныя консисторіи.

Опредѣлили: 1) По утвержденіи окончившихъ курсъ въ текущемъ году студентовъ Академіи въ степени кандидата богословія и званіи дѣйствительнаго студента сообщить въ Святѣйшій Синодъ и въ Учебный Комитетъ требуемыя Синодальнымъ опредѣленіемъ отъ ^{8 марта} _{11 апрѣля} 1892 года за № 590 свѣдѣнія о нихъ. 2) Всѣхъ казеннокоштныхъ студентовъ, а равно и тѣхъ изъ своекоштныхъ, которые заявили о своемъ желаніи служить по духовно-учебному вѣдомству, уволить въ епархіальное вѣдомство съ выдачею имъ на проѣздъ билетовъ, а казеннокоштнымъ и прогонныхъ денегъ, и препроводить документы ихъ въ подлежащія духовныя консисторіи. 3) Окончившаго курсъ Владиміра Валуженича, согласно его прошенію, уволить въ Московскую епархію, куда и препроводить всѣ его документы.

V. Разсуждали о назначеніи на 1902—1903 учебный годъ стипендій студентамъ Академіи.

Справка: 1) Въ настоящее время свободны слѣдующія стипендіи: а) имени Святителя Арсенія, Епископа Твер-

скаго, въ 220 р.; б) имени Митрополита Московскаго Сергія въ 220 р.; в) имени архимандрита Павла и профессора Н. И. Субботина въ 220 р.; г) шесть стипендій Троице - Сергіевой Лавры, по 220 р. каждая; д) діакона С. Θ. Каптерева въ 213 р.; е) В. М. Ундольскаго въ 200 р.; ж) Ломоносовскаго Комитета въ 202 р.; з) двѣ стипендіи М. А. Хлудова, по 118 р. каждая; и) одна стипендія Московской каедры въ 110 р., и і) двѣ казенныя стипендіи на II курсѣ. 2) Утвержденных Его Высокопреосвященствомъ „Правиль относительно распредѣленія казенныхъ и частныхъ стипендій между студентами Академіи“ а) п. I: „По составленіи, въ концѣ учебнаго года, переводныхъ списковъ студентовъ Академіи, но въ томъ же засѣданіи, Совѣтъ обсуждаетъ каждый разъ особо вопросъ о распредѣленіи на предстоящій учебный годъ стипендій на трехъ послѣднихъ курсахъ. б) п. II: При распредѣленіи стипендій на трехъ послѣднихъ курсахъ Совѣтъ руководствуется, въ качествѣ основного, тѣмъ же правиломъ, которымъ опредѣляется назначеніе стипендій на первомъ курсѣ, а именно: всѣ наличныя казенныя стипендіи и тѣ изъ частныхъ стипендій, назначеніе и опредѣленіе срока пользованія которыми зависитъ всецѣло отъ Совѣта Академіи, назначаются соотвѣтствующему числу студентовъ въ порядкѣ разряднаго списка, начиная съ перваго. в) п. III: Исключенія изъ этого правила допускаются Совѣтомъ Академіи лишь по тщательномъ изслѣдованіи причинъ пониженія студентовъ въ разрядномъ списокѣ, при чемъ въ случаѣ рѣзкаго пониженія, происшедшаго отъ невнимательнаго отношенія къ исполненію учебныхъ обязанностей, студентъ можетъ быть лишенъ стипендіи на годъ, хотя бы по занимаемому имъ мѣсту въ списокѣ онъ и сохранилъ право на пользованіе ею, и, наоборотъ, стипендія можетъ быть сохранена за студентомъ, лишившимся ея вслѣдствіе незначительнаго пониженія въ списокѣ, происшедшаго не отъ лѣности или разсѣянности. г) п. IV: Студентъ, потерявшій мѣсто вслѣдствіе продолжительной болѣзни, сохраняетъ за собою стипендію, которою пользовался“.

Опредѣлили: 1) Принимая во вниманіе вѣдомости объ успѣхахъ и поведеніи за минувшій учебный годъ,—лишить на будущій 1902—1903 учебный годъ студентовъ: 4-го курса

Григорія *Ващенко* и Павла *Высотскаго*, 3-го курса—Василія *Бензина*, Михаила *Архангельскаго* и Павла *Крестіанполя*, 2-го курса—Николая *Смирнова - Косташа*, Сергѣя *Булыгина* и Ивана *Стоянова* и оставленныхъ въ 1-мъ курсѣ на второй годъ Ивана *Бѣляева* и Ивана *Палицына* стипендіи, которыми они пользовались, и передать означенныя стипендіи студентамъ: казенную (послѣ Г. Ващенко)—4 курса *Смирнову* Александру (пользовавшемуся стипендіей Епископа Христофора въ 160 р.); Московской каѳедры въ 110 р. (послѣ П. Высотскаго)—2 курса *Ястребову* Николаю; казенную (послѣ В. Бензина)—3 курса *Платонову* Михаилу (пользовавшемуся стипендіей прот. А. И. Невоструева въ 142 р.); Г. И. Хлудова въ 80 р. (послѣ М. Архангельскаго)—2 курса *Стамиславскому* Ивану; Лаврскую (послѣ П. Крестіанполя)—3 курса *Казанцеву* Николаю (пользовавшемуся стипендіей Г. И. Хлудова въ 80 р.); А. Е. Косташъ въ 250 руб. (послѣ Н. Смирнова-Косташъ)—2 курса *Россейкину* Теодору (пользовавшемуся стипендіей В. Д. Кудрявцева въ 220 р.), четыре казенныя стипендіи (послѣ С. Булыгина, И. Стоянова, И. Бѣляева и И. Палицына)—2 курса *Бѣляевскому* Андрею (пользовавшемуся академической стипендіей въ 210 р.), *Петропавловскому* Александру (пользовавшемуся стипендіей Г. И. Хлудова въ 80 р.), *Роздольскому* Александру (пользовавшемуся стипендіей Епископа Никодима въ 192 р.) и священнику *Боголюбову* Владиміру. 2) Стипендію имени архимандрита Павла и профессора Н. И. Субботина назначить студенту 4 курса *Цеткову* Сергѣю (пользовавшемуся Лаврской стипендіей).—Шесть стипендій Троице-Сергіевой Лавры студентамъ: 4 курса—*Нечаеву* Ксенофонту (пользовавшемуся юбилейной стипендіей въ 181 р.), 2 курса—*Смирнову* Николаю, *Никольскому* Павлу, *Виндряевскому* Михаилу, *Добротворскому* Николаю и 1 курса—*Бѣляеву* Ивану.—Стипендію Ломоносовскаго Комитета въ 202 р.—студенту 3 курса *Моисееву* Александру (пользовавшемуся стипендіей М. А. Хлудова въ 118 р.).—Стипендію В. М. Ундольскаго въ 200 р.—студенту 3 курса *Ильинскому* Сергѣю (пользовавшемуся стипендіей Московской каѳедры въ 110 р.).—Двѣ стипендіи М. А. Хлудова, по 118 р.—студентамъ 2 курса *Батину* Александру и *Нежданову* Алексѣю. — Стипендію Московской каѳедры въ 110 р.—студенту 2 курса *Стоянову* Ивану.—Двѣ казенныя

стипендіи—студентамъ 2 курса *Евсѣеву* Константину и *Джебуадзе* Ивану.—3) Стипендіи: Епископа Христофора (послѣ А. Смирнова) передать студенту 3 курса *Денисову* Константину (пользовавшемуся стипендіей Г. И. Хлудова въ 80 р.); протоіерея А. И. Невоструева (послѣ М. Платонова) — студенту 2 курса *Смирнову* Михаилу; академическую (послѣ А. Бѣлявскаго)—студенту 2 курса *Булыгину* Сергѣю; Г. И. Хлудова (послѣ А. Петропавловскаго)—студенту 2 курса *Павскому* Григорію; Епископа Никодима (послѣ А. Роздольскаго)—студенту 2 курса *Троицкому* Александру; Лаврскую (послѣ С. Цвѣткова)—студенту 1 курса *Палицыну* Ивану; юбилейную (послѣ К. Нечаева)—студенту 3 курса *Крестіанполю* Павлу; М. А. Хлудова (послѣ А. Моисеева)—студенту 2 курса *Соловьеву* Михаилу; Московской каѳедры (послѣ С. Ильинскаго)—студенту 2 курса *Ершову* Филиппу. 4) За прочими студентами оставить на будущій 1902—1903 учебный годъ тѣ стипендіи, которыми они пользовались въ минувшемъ году, а шесть стипендій имени: Святителя Арсенія (въ 220 р.), Митрополита Московскаго Сергія (въ 220 р.), профессора В. Д. Кудрявцева - Платонова (въ 220 р.), діакона С. Ѳ. Каптерева (въ 213 р.) и двѣ Г. И. Хлудова (по 80 р.) — предоставитъ студентамъ будущаго I курса.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1902 г. Іюня 30. Утверждается“.

4 сентября 1902 года.

Присутствовали, подѣ предѣдательствомъ Ректора Академіи Арсенія, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи Архимандритъ Евдокимъ и члены Совѣта Академіи, кромѣ профессора В. Ключевскаго.

Слушали: I. а) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1902 г. Іюня 7. Въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи, къ руководству и исполненію“ — указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 3 іюня за № 5:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 22 сего мая № 829, журналъ Учебнаго Комитета за № 216, съ заключе-

ніемъ: Комитета, о назначеніи въ текущемъ году въ составъ новообразуемыхъ курсовъ духовныхъ академіи окончившихъ курсъ воспитанниковъ духовныхъ семинарій. Приказали: Разсмотрѣвъ настоящій журналъ Учебнаго Комитета, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: 1) разрѣшить академическимъ Совѣтамъ вызвать къ подлежащему сроку изъ числа 170 семинарскихъ воспитанниковъ, рекомендованныхъ мѣстными епархіальными и семинарскими начальствами, въ составъ новыхъ въ академіяхъ курсовъ 87 воспитанниковъ, окончившихъ курсъ семинарскаго ученія, а) въ *С.-Петербургскую академію* 25, именно по одному воспитаннику изъ семинарій: Витебской, Владимірской, Иркутской, Калужской, Курской, Минской, Могилевской, Новгородской, Олонецкой, Орловской, Пензенской, Пермской, Полтавской, Псковской, Рижской, Рязанской, С.-Петербургской, Саратовской, Смоленской, Тамбовской, Тверской, Тульской, Холмской, Черниговской и Ярославской; б) въ *Кіевскую академію* 25, именно по одному воспитаннику изъ семинарій: Витебской, Владимірской, Волынской, Воронежской, Вятской, Донской, Екатеринославской, Кишиневской, Кіевской, Костромской, Кутаисской, Нижегородской, Новгородской, Одесской, Орловской, Рязанской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Ставропольской, Тамбовской, Тифлисской, Томской, Тульской и Ярославской; в) въ *Московскую академію* 20, именно по одному воспитаннику изъ семинарій: *Виванской, Вологодской, Волынской, Воронежской, Екатеринославской, Костромской, Красноярской, Курской, Литовской, Могилевской, Московской, Новгородской, Орловской, Полтавской, Рязанской, Самарской, Ставропольской, Тамбовской, Тверской и Харьковской*; 2) въ *Казанскую академію* 17, именно по одному воспитаннику изъ семинарій: Астраханской, Владимірской, Вятской, Иркутской, Казанской, Калужской, Курской, Нижегородской, Новгородской, Самарской, Смоленской, Тверской, Томской, Уфимской, Черниговской и двоихъ изъ Тобольской. 2) Остальныя затѣмъ казеннокоштные вакансіи въ академіяхъ С.-Петербургской — 5, Кіевской — 5, Московской — 10 и Казанской — 13 предоставитъ лучшимъ изъ имѣющихъ явиться къ пріемнымъ испытаніямъ, въ качествѣ волонтеровъ; 3) Совѣты духовныхъ академіи должны немедленно сообщить о настоящемъ постановленіи Святѣйшаго Синода подлежащимъ семинарскимъ Правле-

ніямъ къ должному съ ихъ стороны исполненію, а по окончаніи пріемныхъ испытаній въ академіяхъ представить Святѣйшему Синоду свѣдѣнія, требующіяся опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода, отъ 12 января 1849 года, съ указаніемъ и тѣхъ лицъ, которыя явятся на экзамень не по вызову и будутъ приняты въ число воспитанниковъ академій, и 4) предоставить академическимъ Совѣтамъ сообщить при такомъ вызовѣ воспитанниковъ семинарскимъ начальствамъ, что Святѣйшій Синодъ поставляетъ имъ въ непремѣнную обязанность, чтобы при избраніи воспитанниковъ въ академію: а) обращали, согласно особымъ постановленіямъ высшаго духовнаго начальства, самое строгое вниманіе на благонадежность избираемыхъ какъ по способностямъ, успѣхамъ въ ученіи и благонравіи, такъ и по состоянію здоровья и склонности ихъ къ продолженію духовнаго образованія, б) на основаніи указа Святѣйшаго Синода, отъ 19 марта 1871 года за № 14, обязали избранныхъ при самомъ отправленіи подписками, по прибытіи на мѣсто, не отказываться отъ поступленія въ академію, а по окончаніи академическаго курса ученія отъ вступленія въ духовно-учебную службу, в) выслали по предписанному въ приведенномъ указѣ Святѣйшаго Синода порядку таковыя подписки, вмѣстѣ съ другими требуемыми документами избранныхъ воспитанниковъ, непосредственно въ академическіе Совѣты, не допуская ни въ какомъ случаѣ передачи таковыхъ документовъ въ Совѣты академій чрезъ самихъ воспитанниковъ и г) снабдили отправляемыхъ воспитанниковъ прогонными для проѣзда деньгами и необходимыми, въ опредѣленномъ количествѣ, вещами изъ бѣлья и обуви. Для должныхъ распоряженій и исполненія со стороны Совѣтовъ духовныхъ академій послать Преосвященнымъ Митрополитамъ С.-Петербургскому, Кіевскому, Московскому и Архіепископу Казанскому печатные указы, увѣдомивъ таковыми же прочихъ Преосвященныхъ тѣхъ епархій, изъ которыхъ предназначается вызовъ семинарскихъ воспитанниковъ въ академію“.

Справка: Изъ вызванныхъ во исполненіе сего указа воспитанниковъ духовныхъ семинарій не явился въ Академію къ пріемнымъ испытаніямъ студентъ Самарской духовной семинаріи—по неизвѣстной причинѣ.

б) Отношенія 19-ти Правленій духовныхъ семинарій съ препровожденіемъ документовъ назначенныхъ ими къ поступленію въ составъ новаго (LXI) академическаго курса воспитанниковъ:

Виѣанской—Николая Горностаева,
Вологодской—Виктора Соколова,
Волынской—Наркисса Качоровскаго,
Воронежской—Владимира Андреева,
Екатеринославской—Харитона Иванова,
Костромской—Андрея Крутикова,
Красноярской—Владимира Семидалова,
Курской—Николая Титова,
Литовской—Ивана Якубовича,
Могилевской—Сергѣя Петрова,
Московской—Петра Соколова,
Новгородской—Ивана Словинскаго,
Орловской—Василія Парнасскаго,
Полтавской—Николая Писаревскаго,
Рязанской—Александра Макова,
Ставропольской—Александра Бартенева,
Тамбовской—Евгенія Воскресенскаго,
Тверской—Анатолія Гусева и
Харьковской—Николая Чернявскаго.

в) Заявленіе Ректора Академіи Арсенія, Епископа Волоколамскаго, о томъ, что всѣ лица, явившіяся для поступленія въ составъ новаго академическаго курса по собственному желанію, въ качествѣ волонтеровъ (23 студента духовныхъ семинарій, изъ коихъ 3 священника, и 2 воспитанника классической гимназій) были допущены имъ къ приѣмнымъ испытаніямъ.—Послѣднія, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода отъ 4 — 13 декабря 1901 года за № 4939, произведены были, въ предѣлахъ семинарскаго курса, по Священному Писанію Вѣтхаго и Новаго Завѣта, догматическому богословію, церковной исторіи общей и русской и одному изъ древнихъ языковъ, по выбору самихъ студентовъ. Независимо отъ сего экзаменующіеся писали на заданныя темы сочиненія по нравственному богословію, философіи и поученію.

г) Донесеніе врача академической больницы Сергѣя Успенскаго съ приложеніемъ списка лицъ, прибывшихъ для

поступленія въ составъ новаго академическаго курса, которыхъ онъ, въ присутствіи о. Инспектора Академіи и одного члена Правленія, свидѣтельствовалъ въ отношеніи тѣлосложенія и здоровья. — Изъ отмѣтокъ доктора въ спискѣ видно, что всѣ поименованныя въ немъ лица могутъ продолжать свое образованіе въ Академіи.

д) Донесенія экзаменаціонныхъ комиссій, производившихъ повѣрочныя испытанія студентовъ духовныхъ семинарій и другихъ лицъ, явившихся въ Академію для поступленія въ составъ LXI академическаго курса, о достоинствахъ устныхъ и письменныхъ отвѣтовъ, данныхъ на испытаніяхъ:

аа) Донесеніе комиссіи, производившей испытанія по *Священному Писанію*:

„Общій характеръ отвѣтовъ по *Новому Завету* на теперешнемъ экзаменѣ ничѣмъ существенно не отличался отъ отвѣтовъ на экзаменахъ ближайшаго прошлаго времени. Экзаменовавшіеся очевидно имѣли возможность подготовиться по предмету настолько, что безъ особыхъ затрудненій находили глухо помѣченныя на билетахъ или же предлагавшіеся экзаменаторами во время отвѣта мѣста *Новаго Завета*, — болѣе или менѣе удовлетворительно объясняли вербальный смыслъ текстовъ, даже иногда трудныхъ, — обнаружили достаточныя общія свѣдѣнія о священныхъ писателяхъ и ихъ писаніяхъ, а также знакомство съ общимъ содержаніемъ священныхъ книгъ *Новаго Завета*. Но, какъ и на прежнихъ экзаменахъ, не замѣтно было вдумчиваго отношенія къ нравственно-психологической сторонѣ новозавѣтныхъ писаній, постиженія и проникновенія внутренне-духовнаго смысла ихъ, — такого общаго, т. е. цѣлостнаго, связнаго и стройнаго христіанско-богословскаго воззрѣнія или созерцанія, которое могло бы освѣщать Новозавѣтное Писаніе такъ, чтобы оно было для изучающаго не только грамматико-литературнымъ текстомъ съ извѣстнымъ вербальнымъ смысломъ, но и дѣйствительнымъ, т. е. живымъ и дѣйственнымъ, проникающимъ до раздѣленія души и духа, Словомъ Божиимъ. Это конечно уже не могло быть приобрѣтено экзаменовавшимися изъ учебниковъ и пособій, но должно и можетъ быть только дѣломъ живаго преподаванія и самостоятельно — личнаго усвоенія, или, лучше сказать, цѣлой системы философско-

теологическаго воспитанія семинарскаго.—Кромѣ того, какъ и въ прежніе годы, экзаменовавшіеся терялись при сопоставленіи разностей въ славянскомъ и русскомъ текстахъ (*оклеветанъ бысть и донесено было* Лук. 16, 1,—*лицемѣрія и осужденію* Іак. 5, 12,—*сообразни примѣч. снасаждени и соединены* Римл. 6, 5,—*предложи и предположилъ* Римл. 3, 25,—*безъ ума примѣч. всуе и напрасно* Римл. 13, 14,—*да не отторгнется, примѣч. да не творить себе необръзанія и не скрывайся* 1 Кор. 7, 18,—*больше поработи себе и лучшимъ воспользуйся* 1 Кор. 7, 21 и под.),—а также, и независимо отъ такого сопоставленія, затруднялись давать вразумительное объясненіе мѣстамъ, имѣющимъ принципиально-богословское и догматическое значеніе (напримѣръ: *иже есть спаситель всѣмъ чловѣкомъ, паче же втримъ* 1 Тим. 4, 10,—также: 1 Солун. 4, 16—17, 1 Кор. 13, 13,—1 Кор. 10, 23,—2 Кор. 3, 18,—и др.), или вообще труднымъ текстамъ и терминамъ (напр.: *о хуль на Духа Святаго*; Матѳ. 12, 13 и парал. *въмъ* — древне-славянское множ. число вм. *въмы*, при един. *въмь*, Іоан. 21, 24 соотв. греч. *οἰδατες*, русск: *знаемъ*,—*рожну и рожна* Дѣян. 9, 5 и 26, 14,—*время прекращено* 1 Кор. 7, 29,—*мертвыхъ ради* 1 Кор. 15, 29,—*накостникъ плоти и преданіе сатанъ* 2 Кор. 12, 7—10, 1 Кор. 5, 4—5, 1 Тим. 1, 20,—*множайшую жертву Авель паче Каина принесе Богу* Евр. 11, 4,—*въ притчѣ пріять* Евр. 11, 19,—*поклонися на верхъ жезла его* Евр. 11, 21,—*вмѣсто предлежащія ему радости* Евр. 12, 2 и др. под.). Эти грустные, изъ года въ годъ неизмѣнно повторяющіяся и въ отзывахъ прежнихъ комиссій указывавшіяся, явленія очевидно—не случайныя или преходящія, но имѣютъ своимъ корнемъ недостаточную научно-филологическую подготовку къ изученію подлинника богодуховеннаго текста и отсутствіе должнаго развитія богословско-философской рефлексіи и созерцательной вдумчивости въ изучающихъ. Новый Завѣтъ. А между тѣмъ въ настоящее время, при современномъ обще-научномъ уровнѣ и особенно въ виду запросовъ къ современному богословію со стороны невѣрія, полувѣрія и сектантства,—дѣйственное и животворное изъясненіе священнаго новозавѣтнаго текста, особенно евангелія и перваго посланія Іоанна Богослова и посланій Ап. Павла, — невозможно безъ основательной научно-филологической подготовки и богословско-философскаго развитія. Къ случаю можно

замѣтить, что многія изъ вышеуказанныхъ трудныхъ мѣстъ обстоятельное и научное объясненіе имѣютъ въ примѣчаніяхъ къ изданному нашей Академіей переводу толкованія св. Ефрема Сирина на посланія Ап. Павла, о чемъ, очевидно, не вѣдаютъ изучающіе эти посланія.

Вопросы, предлагаемые комиссіей по *Ветхому Завету*, имѣли цѣлью опредѣлить степень усвоенія студентами 1) исагогическихъ свѣдѣній о ветхозавѣтныхъ книгахъ, 2) ихъ содержанія, основной мысли и цѣли, 3) находимыхъ въ нихъ мессіанскихъ пророчествъ и наконецъ 4) наименѣ понятныхъ славянскихъ оборотовъ и выраженій. Какъ показали отвѣты студентовъ, послѣднимъ наиболѣе знакомы исагогическія свѣдѣнія по Ветхому Завету. Нѣкоторые изъ нихъ знали въ этой области болѣе, чѣмъ то было необходимо воспитаннику семинаріи. Удовлетворительны также были, хотя и не у всѣхъ студентовъ одинаково, отвѣты относительно ветхозавѣтныхъ мессіанскихъ пророчествъ. При этомъ не трудно было замѣтить, что студенты съ болѣею легкостію буквально воспроизводили мессіанское пророчество, чѣмъ указывали основанія для отнесенія его къ Лицу Спасителя. Менѣе удачны были отвѣты студентовъ, когда отъ нихъ требовалось передать содержаніе той или другой главы извѣстной книги, уяснить главную идею книги, а также объяснить неудобопонятное мѣсто въ славянской библіи. Особенно недостаточно знакомы студенты съ книгами учительными. Большая часть ихъ затруднялась передать содержаніе книги Іова, Екклесіаста и Притчей, выяснить ихъ основныя положенія и протолковать наиболѣе характерныя мѣста въ нихъ. Констатируя указанную разницу въ отвѣтахъ студентовъ, комиссія не рѣшается однако дѣлать на основаніи ихъ заключенія о способѣ изученія Ветхаго Завета въ семинаріяхъ. Она утѣшаетъ себя мыслью, что имѣла дѣло лишь съ остатками прежнихъ болѣе богатыхъ познаній, естественно пострадавшихъ отъ дѣйствія довольно долгаго времени“.

66) Донесеніе комиссіи, производившей испытанія по *догматическому богословію*:

„Въ отвѣтахъ державшихъ экзаменъ комиссія ничего не замѣтила такого, на что не было бы указываемо въ отчетахъ прежнихъ лѣтъ. Какъ и прежде, большинство студентовъ

семинарій обнаружили очень хорошее знаніе учебника; прочіе, почти всѣ, дали отвѣты по крайней мѣрѣ удовлетворительные. Какъ и слѣдовало ожидать, отличные и очень хорошіе отвѣты дали студенты присланные. Но начитанности въ догматикѣ не обнаружили даже и лучшіе (изъ студентовъ). О сравнительномъ достоинствѣ преподаванія догматики въ семинаріяхъ по отвѣтамъ экзаменовавшихся судить затруднительно уже потому, что изъ 15 семинарій держали экзаменъ только по одному воспитаннику. Изъ семинарій Московской, Рязанской и Виѣанской прибыло достаточное, пожалуй, для сравненія число студентовъ. Отвѣты восьмерыхъ воспитанниковъ Московской и четверыхъ Виѣанской дали въ среднемъ выводѣ $4\frac{1}{8}$, а отвѣты пятерыхъ воспитанниковъ Рязанской семинаріи— $4\frac{1}{2}$. Но дѣлать отсюда выводъ, что въ Рязанской семинаріи преподаваніе догматики поставлено лучше, или что воспитанники ея охотнѣе изучаютъ и лучше знаютъ догматику, нежели въ Московской и Виѣанской семинаріяхъ, можно было бы развѣ только въ томъ случаѣ, если бы подобное же отношеніе между средними числами повторялось постоянно, изъ года въ годъ“.

в) Донесеніе комиссіи, производившей испытанія по общей и русской церковной исторіи.

„Экзаменъ настоящаго года по общей и русской церковной исторіи въ своемъ окончательномъ результатѣ рисуется въ очень благоприятномъ видѣ. Изъ 44 лицъ, подвергавшихся испытаніямъ, 15-ть, т. е. болѣе трети, получили отличные баллы (5, 5—); 11-ть: очень хорошіе ($4\frac{1}{2}$, 4+, 4, 4—) и только семь отмѣчены неудовлетворительными баллами ($2\frac{1}{2}$, 2+, 2, 2—). Лучшіе отвѣты даны воспитанниками Виѣанской (всѣ четверо получили 5 или 5—), Рязанской (5—, 5—, $4\frac{1}{2}$, 4+, 4) и Тверской (5, 5—, 4—) семинарій; худшіе (2—)—присланнымъ Тамбовскимъ и волонтеромъ Псковскимъ. Изъ 8-ми воспитанниковъ Московской семинаріи трое имѣютъ неудовлетворительный баллъ ($2\frac{1}{2}$, 2+, 2), двое—отличный 5—, 5—).

Но чтобы правильно оцѣнить значеніе этого результата, нужно имѣть въ виду, что всѣ требованія экзаменовавшихся вращались въ предѣлахъ практикуемыхъ учебниковъ. Ни одинъ отвѣтъ поступающихъ въ Академію, даже изъ отмѣченныхъ высшимъ балломъ, не давалъ въ себѣ ни малѣй-

шаго намека на то, чтобы отвѣчающій былъ знакомъ съ существующей на русскомъ языкѣ ученой церковно-исторической литературой, или, чтобы при преподаваніи предмета, принимались во вниманіе выводы этой литературы. Ошибки учебника по общей церковной исторіи, объясняемая его отсталостью, остаются неисправленными ни въ одномъ пунктѣ. Студенты семинарій по прежнему убѣждены вмѣстѣ съ учебникомъ, что отъ апологіи Аристида (древнѣйшей) не сохранилось ни одного слова, между тѣмъ какъ она давно открыта и переведена на русскій языкъ. Въ перечисленіи произведеній древне-христіанской письменности ни одинъ студентъ не упомянулъ объ „Ученіи 12-ти апостоловъ“—этомъ важнѣйшемъ памятникѣ древне-церковной жизни, который на русскомъ языкѣ существуетъ въ нѣсколькихъ переводахъ и имѣетъ свою литературу. Наоборотъ, сочиненія съ именемъ Діонисія Ареопагита доселѣ значатся въ ряду творений мужей апостольскихъ, хотя неподлинность ихъ давно доказана наукой. Хронологія второй ссылки св. Афанасія Алекс. и Сардикійскаго собора остается неисправленной, не смотря на то, что въ русскихъ ученыхъ трудахъ нѣсколько разъ отмѣчалась ея несостоятельность. Получается такимъ образомъ странная картина: русская наука съ каждымъ годомъ обогащается новыми трудами (даже въ области общей, не говоря уже о русской церковной исторіи), а семинарское преподаваніе стоитъ на одномъ мѣстѣ, укрѣпляя старыя ошибки и не вызывая никакого интереса у воспитанниковъ къ самостоятельному расширенію познаній путемъ ознакомленія съ существующей литературой.

Въ качествѣ общаго итога сравнительной оцѣнки отвѣтовъ по общей и русской исторіи, комиссія можетъ констатировать тотъ фактъ, что познанія экзаменовавшихся въ общей исторіи церкви стоятъ значительно ниже, чѣмъ въ русской. Большой процентъ неудовлетворительныхъ и худшихъ балловъ получался по общей исторіи. Главнымъ образомъ страдали отдѣлы по исторіи первыхъ трехъ вѣковъ христіанства; здѣсь не только наблюдалось отсутствіе точнаго воспроизведенія и правильнаго пониманія событій, но нерѣдко замѣчалось и полное забвеніе важнѣйшихъ фактовъ этой основоположительной эпохи христіанства. Въ объясненіе этого явленія нельзя не указать на то обстоятель-

ство, что отмѣченные сейчасъ отдѣлы церковной исторіи, по которымъ получались наиболѣе плохіе отвѣты, по дѣйствующему уставу преподаются въ 3-мъ классѣ семинарій, когда воспитанники, не имѣя еще никакого знакомства съ логикой и философіей, должны изучать вопросы, требующіе для своего пониманія философскаго развитія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можно ученикамъ, лишеннымъ элементарныхъ свѣдѣній въ области философіи, выяснить такіе параграфы программы, какъ напр. „религіозно-нравственное состояніе языческаго міра“, гдѣ рѣчь идетъ о философскихъ и религіозныхъ ученіяхъ древности, объ іудействующемъ эллинизмѣ, о философіи Филона, или такіе пункты, какъ ереси гностицизма, манихейства или монархіанства, ученіе апологетовъ о Логосѣ, воззрѣнія Оригена на Св. Троицу, различіе догматической терминологіи въ аріанскихъ спорахъ и мн. подобное? Тутъ и опытный преподаватель станетъ втупикъ. Поэтому, нельзя не пожелать, особенно въ виду предпринимаемой реформы семинарій, чтобы уроки по общей исторіи церкви отодвинуты были въ высшіе классы и проходились послѣ изученія философіи, какъ это и было въ прежнемъ уставѣ“.

гг) Донесеніе комиссіи, производившей испытанія по *древнимъ языкамъ*:

„Державшіе испытаніе по древнимъ языкамъ испытываемы были главнымъ образомъ въ томъ, на сколько они могутъ понимать написанное на томъ или другомъ изъ древнихъ языковъ. Испытуемымъ по греческому языку предлагаемо было перевести одну изъ церковныхъ молитвъ, испытуемымъ по латинскому языку—нѣсколько стиховъ изъ Энеиды Виргилія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, державшіе испытаніе были испытываемы въ знаніи грамматики древнихъ языковъ.

Отвѣты, данные на испытаніи, были болѣе или менѣе удовлетворительны. Лучшіе изъ этихъ отвѣтовъ, отмѣченные балломъ 5 или 5—, принадлежатъ воспитанникамъ семинарій: Владимірской, Новгородской, Харьковской (по греческому языку), Красноярской, Вологодской и Литовской (по латинскому языку)“.

дд) Донесеніе комиссіи, разсматривавшей сочиненія по *нравственному богословію*:

„Для письменнаго испытанія по нравственному богословію

студентамъ, поступающимъ въ составъ новаго академическаго курса, была предложена тема: „Можетъ ли христіанинъ быть сторонникомъ матеріальной культуры, оставаясь вѣрнымъ ученію Христа, призывающаго насъ покинуть всякія попеченія о внѣшнемъ благосостояніи?“ Сочиненія, написанныя на эту тему, въ общемъ нужно назвать удовлетворительными: всѣ писавшіе сумѣли сказать что-нибудь въ разрѣшеніе предложеннаго вопроса, при чемъ обнаружили достаточно развитую способность разсужденія и связнаго изложенія своихъ мыслей. Въ упрекъ писавшимъ нужно однако поставить почти совершенное отсутствіе проблесковъ оригинальнаго мышленія: обыкновенно они ограничиваются повтореніемъ однихъ и тѣхъ же общихъ соображеній, вынесенныхъ ими безъ сомнѣнія изъ семинарскихъ уроковъ и учебниковъ. Сочиненій, выдѣляющихся изъ посредственности въ хорошую или дурную сторону, немного. Только одно сочиненіе отмѣчено балломъ 5—, одно—балломъ 4^{1/2}, три—балломъ 4+; самыя худшія сочиненія—въ числѣ 5-ти—оцѣнены балломъ 2^{1/2}. Въ большей или меньшей степени всѣ подвергающіеся испытанію (на основаніи давнихъ сочиненій) должны быть признаны подготовленными къ слушанію академическихъ лекцій“.

е) Донесеніе комиссіи, разсматривавшей сочиненія по *философіи*:

„Для сочиненія по философіи дана была тема: „Что такое необходимость логическая, математическая, физическая, органическая и нравственная?“ Отъ экзаменуемыхъ требовалось дать логически правильное опредѣленіе „необходимости“ вообще, классифицировать ея виды и, —на основаніи тѣхъ познаній, какія даетъ семинарія (по логикѣ, математикѣ, физикѣ, этикѣ, начальнымъ основаніямъ философіи, психологии и исторіи философіи), —характеризовать указанные въ темѣ типы ея. Задача предполагала въ пишущихъ навѣкъ къ составленію логическихъ опредѣленій и классификацій и умѣнье самостоятельно, философски распорядиться тѣми (хотя бы и элементарными) научными познаніями, какими должна снабдить ихъ средняя школа.

Прочитанныя сочиненія далеко не удовлетворяютъ названнымъ требованіямъ и показываютъ, что предложенная задача, —вообще говоря, не трудная, —оказалась экзаменуо-

щимся не по плечу. Они не обнаружили ни навыка къ составленію логическихъ опредѣленій и классификацій, ни удовлетворительныхъ научныхъ познаній, ни умѣнья философски распорядиться ими. Правда, нельзя сказать, чтобы эти три недостатка даны были всѣ вмѣстѣ въ каждомъ изъ прочитанныхъ сочиненій; болѣе или менѣе счастливыя исключенія въ томъ или другомъ отношеніи встрѣчаются во многихъ сочиненіяхъ. Но нѣтъ ни одного сочиненія, которое было бы удовлетворительно во всѣхъ отношеніяхъ. Зато много есть и такихъ, которыя подлежатъ серьезнымъ упрекамъ со всѣхъ трехъ указанныхъ точекъ зрѣнія.

Болѣе всего заслуживаетъ сожалѣнія отсутствіе навыка къ логической обработкѣ вопроса, полнѣйшее почти незнание съ приемами такой обработки. Большинству писавшихъ на данную тему и въ голову не пришло, что отъ нихъ требуется построить логическое опредѣленіе необходимости. Лишь 14 авторовъ изъ 43 сознавали эту задачу (2 вол. Влад., присл. Волог., присл. Ворон., вол. Костр., присл. Краснояр., 2 вол. 7 Моск. гимн., присл. Моск., присл. Орл., вол. Ряз., присл. Ставро. и 2 вол. Твер.); но изъ нихъ только трое (восп. 7 Моск. гимн., присл. Орл. и вол. Твер.) попытались построить такое опредѣленіе по правиламъ логики, а 11 высказываютъ свои формулировки совершенно голословно,—безъ всякой попытки раскрыть ихъ или обосновать. Остальные же 29 авторовъ не сдѣлали даже и такой попытки. Вмѣсто того они, въ лучшемъ случаѣ, ограничиваются т. н. дѣйствіями, замѣняющими опредѣленіе (что въ учебникахъ логики извѣстно, въ отличіе отъ *definitio*, подъ именами *locatio*, *expositio*, *illustratio*, *explicatio*, *distinctio*, *explanatio* и т. п.), а то такъ и просто говорятъ по поводу указанныхъ въ темѣ понятій, что въ голову придеть. Очевидно, экзаменующіеся въ семинаріи или совсѣмъ не упражнялись въ составленіи логическихъ опредѣленій, или упражнялись очень мало. Тоже надо сказать и о классификаціи. Разъ въ темѣ указаны нѣкоторые виды опредѣляемаго предмета, то предполагалось, что пишущіе сумѣютъ сдѣлать правильное раздѣленіе даннаго имъ понятія и отвести каждому изъ указанныхъ видовъ подобающее мѣсто въ полученной такимъ путемъ классификаціи. Задача опять рассчитана на практическій навыкъ къ логической обработкѣ понятій. И

опять не оказалось не только такого навыка, но, въ большинствѣ случаевъ, даже и простого сознанія, что данный въ темѣ перечень надо какъ нибудь обработать. Лишь у 6 авторовъ есть сознательныя попытки классифицировать и систематизировать виды необходимости (вол. Влад., присл. Волян., вол. Костр., вол. Краснояр., присл. Литов. и вол. Моск.), а остальные 37 авторовъ просто разсматриваютъ одинъ видъ за другимъ, хотя при этомъ и высказываются о большей близости, напр., математической необходимости къ логической, нежели къ другимъ, объ извѣстной сопринадлежности н. органической съ физической и о совершенно своеобразномъ характерѣ нравственной. Но и дающіе классификацію отнеслись къ своей задачѣ чисто внѣшнимъ образомъ: они, не колеблясь, приняли сдѣланный въ темѣ перечень за исчерпывающій и потому ограничились группировкой только названныхъ тамъ понятій, не задумываясь о возможности существованія другихъ видовъ необходимости, отліченіе отъ которыхъ помогло бы имъ лучше уяснить себѣ природу обсуждаемыхъ понятій.

Отсутствіе удовлетворительныхъ научныхъ познаній затруднило для экзаменующихся характеристику отдѣльных видовъ необходимости и сказалось вопіющей бѣдностью, однообразіемъ и зачастую неопредѣленностью приводимыхъ для поясненія примѣровъ.

Такъ сущность логической необходимости авторы почти всѣ не сумѣли удовлетворительно выяснить. Правильный и основательный отвѣтъ данъ только однимъ (вол. Твер.), да троими обнаружено пониманіе вопроса, хотя отвѣтъ и не формулированъ съ надлежащей научной точностью (вол. Виѣ., присл. Костр., присл. Орл.). Остальные 39 человекъ толкуютъ, по большей части, о томъ, что человекъ не можетъ мыслить, не подчиняясь изв. логическимъ законамъ: тождества, противорѣчія, искл. третьяго, дост. основанія. Разсужденіе носитъ явно психологическій характеръ, а природы логической очевидности и принудительности совсѣмъ не выясняетъ. Слѣдовало показать, что значать въ логикѣ термины *nesesse*, *oportere* etc., на чемъ основывается логическая, или аналитическая понятность, что служить условіемъ необходимости вывода. вмѣсто всего этого — ничего не говорящія разсужденія о законахъ мышленія да

безплодныя попытки вытянуть что либо изъ затасканнаго силлогизма: „Всѣ люди смертны; Иванъ — человѣкъ; слѣд. Иванъ смертенъ“. Курсъ логики явнымъ образомъ забыть или даже никогда не былъ сознательно усвоенъ. До чего простирается незнакомство съ этой наукой, показываютъ слѣдующія сужденія различныхъ авторовъ: „логическими законами мы называемъ извѣстныя правила и т. д.“ (присл. Вио.); „логически необходимыя сужденія соотвѣтствуютъ дѣйствительности“ (вол. Вио.); „доказывать можно только примѣрами“ (вол. Моск.); „рѣчь считается логичною тогда, когда она подчинена логической необходимости, когда послышки прямо вытекаютъ изъ силлогизма“ (вол. Моск.); „логическіе законы—чисто внѣшняя норма, ... въ нашей волѣ отвергнуть ихъ“ (присл. Полт.); „отношеніе между лог. законами и нашими познавательными способностями является съ характеромъ необходимости“ (вол. Ряз.); „логическая очевидность основана на индукціи“ (присл. Тамб.). Многие смѣшиваютъ логическое основаніе съ причиной (вол. Влад., вол. 7 Моск. г. и др.). Одинъ утверждаетъ, что задачей логики является ученіе о „непосредственно-наглядной очевидности“ и называетъ необходимость „закономъ мышленія“ (присл. Волог.). Другой беретъ своими словами формулировать правило 1-ой фигуры силлогизма (*sit minor affirmans, nec major sit specialis*) и говорить что то совсѣмъ невразумительное (присл. Екатериносл.). Третій утверждаетъ, что законы логики и математики необходимы лишь для насъ, а не для грядущихъ поколѣній (вол. Моск.). Четвертый вм. термина „сужденіе“ употребляетъ „разсужденіе“ (вол. Моск.) и т. д.

Математическую необходимость всѣ авторы видятъ въ логической обусловленности математическихъ выводовъ и построеній аксіомами. Взглядъ этотъ, въ сущности, вѣренъ. Но для правильнаго отвѣта на вопросъ темы нужно было анализировать самое понятіе о математическихъ аксіомахъ, при чемъ не мѣшало бы ихъ отличать отъ такъ называемыхъ опредѣленій. Последняго не встрѣчаемъ ни въ одномъ сочиненіи. А анализъ понятія объ аксіомахъ почти во всѣхъ сочиненіяхъ ограничивается голословнымъ утвержденіемъ, что это—истины самоочевидныя. Почти никто не попытался выяснитъ природу этой очевидности и отличіе ея

отъ очевидности логической. Въ отдѣльныхъ случаяхъ сужденія объ аксіомахъ и разные математическіе примѣры обнаруживаютъ въ авторахъ весьма значительное невѣжество въ самой элементарной математикѣ. „Сумма угловъ прямоугольнаго треугольника (только?!), пишетъ вол. Виен., равна 2. прямымъ“; „аксіома (?), что прямой уголъ меньше тупого,.... выведена а priori“, пишетъ другой Виен.; „математическіе законы болѣе принудительны, чѣмъ логическіе“, — почему то вздумалось провозгласить третьему Виен.; присл. Екатер. называетъ положеніе „2. $2=4$ “ и „правила ариметическихъ дѣйствій“ аксіомами; вол. Костр. называетъ аксіомы „общепризнанными законами математики“; присл. Могил. констатируетъ аксіому, что произведеніе изв. числа на 2 вдвое больше множимаго; „число 25, возвѣщаетъ одинъ изъ Моск. вол., есть слѣдствіе произведеннаго умноженія 5×5 “; онъ же опредѣляетъ математическую необходимость, какъ „неизбѣжный выводъ одного числа изъ другихъ“; другой Моск. вѣщаетъ, что математическія положенія истинны лишь „по соглашенію“, и „черезъ 100 лѣтъ законъ математики будетъ простой эфемерой“; „таблица умноженія и прочія аксіомы“, пишетъ третій Моск. Эти и другіе подобныя примѣры способны навѣвать довольно грустныя мысли о постановкѣ математическихъ наукъ въ семинаріяхъ. Въ разсужденіяхъ о физической необходимости почти всѣ авторы оперируютъ главнымъ образомъ съ излюбленнымъ почему то у нихъ примѣромъ, что „камень, брошенный вверхъ, падаетъ на землю“. Анализа понятія причинности и отношенія между причиной и дѣйствіемъ не далъ никто. О томъ, что физическіе процессы отличаются характеромъ „роковой“, „механической“ „неизбѣжности“ говорятъ многіе; но однѣ эти фразы, разумѣтся, ничего не разъясняютъ. Всѣ воспоминанія объ изучавшейся когда то физикѣ ограничиваются упоминаніемъ въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ о законѣ тяготѣнія. Въ одномъ сочиненіи есть воспоминаніе о законѣ Архимеда, но въ такой дикой формулировкѣ, что лучше бы его совсѣмъ не было: „вѣсъ тѣла, погруженнаго въ воду, равняется (!?) вѣсу вытѣсненной имъ воды“ (вол. Моск.).

Органическую необходимость лишь очень немногіе сумѣли дѣйствительно отличить отъ физической и хотя бы прибли-

зительными намеками обваружить свое пониманіе вопроса (Волын., Екат., Моск. гимн., Ряз. вол. и присл., Тамб. присл. и 2 вол. Твер.). Прочіе отдѣляются ничего не говорящими фразами. Не мало и здѣсь вздорныхъ вещей. Напр., Вие. вол. говоритъ, что органическій міръ не подчиненъ закону тяготѣнія. Та же мысль есть и у одного вол. Влад. „Органическая необходимость, по словамъ Волын. присл., даетъ организмамъ права внутренняго существованія“. „Фагоцитъ всегда будетъ глотать лейкоцита, пишетъ одинъ вол. Моск., если не будетъ изобрѣтено яда въ видѣ сыворотки, и тогда безсмертіе человѣчества будетъ обезпечено“.

Что касается, наконецъ, нравственной необходимости, то большинство авторовъ совершенно правильно отождествили ее съ обязательностью нр. требованій и съ этой точки зрѣнія устанавливали отличіе ея отъ другихъ видовъ необходимости. Но многіе нравственную необходимость поняли въ смыслѣ детерминизма и рассуждали о характерѣ, привычкахъ, страстяхъ и пр.

Наконецъ, какъ было сказано выше, въ прочитанныхъ сочиненіяхъ почти совсѣмъ незамѣтно пользованія пріобрѣтенными въ семинаріи философскими познаніями для обсужденія поставленнаго темой вопроса. Философскія знанія обнаружены,—какъ это ни странно,—въ гораздо большей мѣрѣ не изучавшими философіи гимназистами, нежели семинаристами. Объясняется это тѣмъ, что послѣдніе предъ поступленіемъ въ академію, повидимому, проштудировали семинарскіе философскіе учебники (слѣды такой подготовки замѣтны въ нѣкоторой неуклюжести цитаціи и въ неувоенномъ еще какъ слѣдуетъ философскомъ языкѣ;—напр., „мы можемъ воспользоваться готовыми уже опредѣленіями, данными въ философіи,—это телеологичность и пантеизмъ Спинозы“, „разберемъ изъ пантеизма то, что...“, „эти всѣ свойственныя матеріи истины ясны для каждаго“ и т. п.), а семинаристы или позабыли, или не почувствовали нужды ими воспользоваться; послѣднее предположеніе вѣроятнѣе, потому что не болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ пишущему настоящее донесеніе приходилось констатировать довольно удовлетворительное знакомство студентовъ семинарій съ учебниками по исторіи философіи и нач. осн. философіи. А припомнить кое что при рѣшеніи поставленнаго вопроса

весьма не мѣшало бы. Ближайшимъ образомъ здѣсь слѣдуетъ назвать ученіе о категоріяхъ вообще и причинности и цѣлесообразности въ частности, ученіе Канта о математическомъ и естественно-научномъ познаніи, геометрической методъ Спинозы, Кантову таблицу категорій и т. п.

Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть о языкѣ сочиненій. Въ общемъ его слѣдуетъ признать удовлетворительнымъ. Большинство пишутъ довольно литературно, легко и грамотно, избѣгаютъ туманныхъ выраженій и вообще умѣютъ выражать свои мысли надлежащимъ образомъ. Но есть и нежелательныя, хотя и не обильныя, исключенія: напр., „вся нравственная жизнь человѣка обставлена такими строгими предписаніями, что только въ силу необходимости онъ можетъ выполнить ихъ“ (вол. Моск.); „законъ вѣсимости и неодушевленности не позволяетъ ему (камню падающему) новаторство среди его соотечественниковъ“ (другой вол. Моск.); „законы физики и математики читаются (?) такъ, а не иначе“ (вол. Моск.); „физическая необходимость есть послѣдующая смѣна явленій“ (вол. Моск.); „возьмите вы любую область sein'a“; „человѣкъ относится къ нравственному закону не какъ страдательная невинность“ (присл. Екатерин.); нѣкоторые пишутъ—„изчисленіе“ (присл. Волог.), „сколько-бы не“, „какой-бы не“ (Вие., Моск.), „правила“ (Моск.), „чредованіе“ (Моск.), „опредѣленныя законы“ (Ряз.) и т. п.

Въ виду того, что во всѣхъ отношеніяхъ хорошаго сочиненія не оказалось ни одного, комиссія и не нашла возможнымъ ни одного отмѣтить высшимъ балломъ—5. Лучшее сочиненіе г. Суслова (вол. Твер.) даетъ отлично хорошій трактатъ о необходимости вообще и н. логической и математической въ частности;—написано точнымъ и яснымъ языкомъ; но о физ., орг. и нрав. необходимости—очень бѣгло, спутанно и съ обычными недостатками. Комиссія оцѣнила его балломъ 4+. Прочія сочиненія оцѣнены меньшими баллами отъ 4 до 2 включительно. Свою балловую оцѣнку комиссія считаетъ очень снисходительной. Балль 2 поставленъ двоимъ Москвичамъ (Покровскому и Сокольскому), которыхъ комиссія считаетъ безусловно не подготовленными къ прохожденію академическаго курса. Прочія сочиненія, не смотря на свои многочисленные недостатки, обнаруживаютъ въ авторахъ удовлетворительное умственное развитіе“.

жж) Донесеніе комиссіи, разсматривавшей *поученіе*:

„Для письменнаго испытанія поступающихъ студентовъ по Гомилетикѣ было дано поученіе на текстъ: „Мнѣ отмщеніе, Азъ воздамъ“ (Рим. 12, 19). Не смотря на то, что данный текстъ не представлялъ собою чего-либо совершенно неизвѣстнаго, новаго для экзаменовавшихся, ни одинъ изъ нихъ не далъ правильнаго отвѣта на вопросъ и лишь весьма немногіе, и притомъ только отчасти, приближались къ надлежащему пониманію темы. Всѣ представленныя сочиненія не безъ недостатковъ какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней стороны.

„Мнѣ отмщеніе, Азъ воздамъ“,—это одно изъ дивныхъ изреченій Господа, скрывающее за собою цѣлую систему небесномудраго, любвеобильно-благодѣтельнаго и возвышеннаго ученія. Много загадочнаго, страннаго и неразрѣшимаго кругомъ насъ: праведники бѣдствуютъ, грѣшники наслаждаются счастьемъ, добрые подвергаются гоненіямъ, злые торжествуютъ. Земная жизнь часто не удовлетворяетъ людей, старающихся ко всему отнестись серьезно, все понять и объяснить. На землѣ человѣкъ не всегда находитъ отвѣты на самые жгучіе вопросы. Гдѣ выходъ отсюда? Гдѣ утѣшеніе? Вотъ тутъ то со страницъ Слова Божія и доносится до насъ кроткій, тихій, но никакъ не страшный, грозный, полный мщенія, небесный голосъ: „Мнѣ отмщеніе, Азъ воздамъ“, т. е. Я—единственно истинное и полное удовлетвореніе этихъ сомнѣній, этой загадки и грозной наготы жизни. Есть много чего-то безпредѣльно-кроткаго, отеческаго, любвеобильнаго въ этомъ спокойно-властномъ голосѣ. Это—та же Любовь Божественная, идущая къ человѣку путями, ему невѣдомыми и неудержимо-рѣшительными. Богъ—Медовоздатель—это Тотъ же Богъ—Любовь. Благость Божія сказывается, между прочимъ, и въ мученіяхъ грѣшниковъ, ибо послѣдніе, будучи поставлены лицомъ къ лицу съ чистою и блаженною жизнію праведниковъ, переносятъ бы тѣмъ большія мученія, чѣмъ среда, въ которой они привыкли вращаться, хуже и недостойнѣе блаженнаго общенія съ праведниками.—Для тѣла человѣческаго существуютъ опредѣленные законы, которыхъ не долженъ преступать человѣкъ, если онъ хочетъ быть здоровымъ. Въ противномъ случаѣ онъ немедленно и неизбѣжно понесетъ возмездіе за каждый свой грѣхъ противъ тѣла. И

для души человѣка есть неизбѣжные законы, преступать которые никто и никогда не можетъ безнаказанно. Всякое уклоненіе отъ нормы жизни по совѣсти необходимо и неизбѣжно влечетъ на голову человѣка соотвѣтствующее наказаніе. Это наказаніе происходитъ не тамъ гдѣ-то въ заоблачной, недозримой выси, а въ самомъ человѣкѣ, въ его душѣ. Слово Божіе, церковная исторія, житія святыхъ, ежедневный опытъ, изящная литература представляютъ тысячи прекраснѣйшихъ примѣровъ для всесторонняго и глубокаго раскрытія этихъ мыслей.

Такъ приблизительно долженъ былъ быть раскрытъ данный текстъ. Что же мы видимъ въ дѣйствительности? Повторивши тему и перефразировавши ее, большинство экзаменованныхъ писало далѣе: о „вредѣ мщенія“; современныхъ различныхъ недостаткахъ, рѣшало вопросъ о возможности и законности судей и судовъ, войнъ, о развитіи воли и характера путемъ борьбы, о дуэли съ точки зрѣнія Слова Божія, о самозащитѣ, терпѣніи, ставили всевозможные другіе вопросы и занимались рѣшеніемъ ихъ. Ограничивая смыслъ заданнаго текста лишь заповѣдью о „неотмщеніи самимъ за обиды врагамъ“, писали немало страннаго. Почти всѣ писавшіе, рассматривая мечь, какъ порокъ вредный и опасный, не затрудняются предписывать, поручать „право отмщенія“ Богу, т. е. усвоятъ Ему какъ разъ то самое, что они называютъ порокомъ въ человѣкѣ. Различныхъ варіацій этой мысли нѣтъ возможности привести полностью. Такъ одинъ изъ проповѣдниковъ пишетъ: „право возстановленія поправленной чести, право наказанія враговъ принадлежитъ не людямъ, а Богу. Люди же въ своихъ отношеніяхъ между собою должны руководиться любовію, ни единому зла за зло воздающе, промышляюще добра предъ всѣми человѣки“. Или еще: „Богъ предоставилъ право воздаянія нашимъ обидчикамъ только себѣ, а намъ велѣлъ этихъ обидчиковъ прощать и молиться за нихъ“. „Богъ не потерпитъ зла и непременно наказываетъ“. Итакъ, что же выходитъ? Люди могутъ такъ хорошо обращаться съ врагами, прощать ихъ и пр. А Богъ? Слѣдовательно люди въ отношеніи къ врагамъ совершеннѣе Бога, какъ будто наша добродѣтель прощенія враговъ не есть самое слабое подобіе любвеобильнаго отношенія Бога ко всѣмъ грѣшникамъ. Выясняя въ частности мысль о не-

обходимости прощенія христіанами враговъ, многіе пытаются обосновать ее такъ. „Мсть можетъ причинять намъ вредъ, говоритъ одинъ, и посему то внушается избѣгать ее и все дѣло вручать въ волю Божию, Который рано или поздно и отмститъ нашимъ врагамъ“. Для большей убѣдительности этого, тутъ же приводится угрожающее напоминаніе „о страшной участи, какой подвергнется каждый изъ насъ за нарушение заповѣди Христа о любви къ ближнимъ“. Другой говоритъ, что если гонимые и невинно страждущіе не видятъ здѣсь на землѣ „отмщенія отъ Бога обидчикамъ, то такового они не избѣгутъ въ будущей жизни“. Этотъ же проповѣдникъ рекомендуетъ не увлекаться писателями, отрицающими войну, право самозащиты въ судахъ и т. п. Третьй пишетъ: „не надо мстить, потому что мсть „опасна“ и „не принесетъ никакой пользы“. Четвертый основываетъ эту мысль такъ: не нужно мстить, потому что „человѣкъ не можетъ правильно отомстить“. „Мы не можемъ воспользоваться правомъ мести и воздаянія за обиды, потому что мы слишкомъ слабы, ограничены и обременены грѣхами“. Значитъ, кто праведенъ, необремененъ грѣхами, можетъ мстить. Предоставляя мщеніе Богу, человѣкъ, по мысли еще одного автора, можетъ „вполнѣ положиться на Бога“. „Богъ не можетъ незаслуженно воздать: пошлетъ воздаяній столько, сколько требуетъ грѣхъ человѣка“. „Послѣ Бога право мщенія, по словамъ новаго писателя, дается только лицамъ, уполномоченнымъ высшею законною властію“. „Будемъ же искать защиты у Богоустановленной власти. И Господь Самъ отомститъ за насъ чрезъ законопоставленную отъ Него власть, или какимъ-ниб. инымъ способомъ. Въ противномъ же случаѣ намъ грозитъ опасность быть растерзанными другъ другомъ“. „Избѣгая всякое чувство мести и злобы, будемъ искать отъ власти наказанія врага, но не съ цѣлію мести, въ собственномъ смыслѣ наказанія, а исключительно ради исправленія, воспитанія злой воли человѣка“. Наконецъ, одинъ, увѣщевая не мстить врагамъ, дѣлаетъ экскурсію въ Ветхозавѣтную исторію и утѣшаетъ христіанъ тѣмъ, что и „пророкъ Елисей не самъ мститъ за себя 42 мальчикамъ, а Господь Богъ“. Много неумѣстнаго въ устахъ проповѣдника съ церковной кафедрой заключается и въ томъ направленіи мыслей, по которому самымъ добромъ-то и любовью къ на-

шимъ врагамъ они приглашаютъ платить только для того, чтобы „собрать углие огненное на главу обидчика“.

Къ недостаткамъ проповѣдей со стороны содержанія должно отнести и недостатокъ ихъ убѣдительности, задушевности, теплоты. Въ проповѣдяхъ не видно живой жизни, не слышно бѣнїя сердца человѣческаго. Все въ нихъ необыкновенно мертво, холодно, безжизненно. Проповѣдь представляетъ собою какой-то рядъ выписокъ какъ бы изъ свода законовъ или рядъ какихъ-ниб. отвлеченныхъ научныхъ формулъ. Большинство этихъ работъ не проповѣди, а холодныя, сухія разсужденія, мало пригодныя къ той цѣли, для которой они должны предназначаться, т. е. для произнесенія съ церковной кафедры. На каждой страницѣ почти въ нихъ встрѣчаешь: „христїанинъ долженъ дѣлать“, „христїанинъ не долженъ дѣлать“. Но вѣдь этого еще далеко недостаточно. Легко, наприм., сказать въ проповѣди, что намъ „должно переносить обиды терпѣливо, любить враговъ“ и т. п. Къ этому еще нужно расположить сердце слушателей высокими примѣрами, тѣми или другими средствами, умиляющими душу грѣшника, и не только расположить, но и заставить человѣка дѣйствовать такъ, а не иначе. Такое же назиданіе, какъ: „переноси обиды, переноси только потому, что это перенесеніе съ любовью къ врагамъ и желаніемъ принести пользу имъ, обыкновенно уничтожаетъ враговъ“, неособенно назидательно. Большинство же другихъ проповѣдниковъ ограничиваютъ всю убѣдительность въ необходимости прощенія своихъ враговъ простою ссылкой на слова: „писано бо есть: Мнѣ отмщеніе, Азъ воздамъ“. То, что надо развить, обосновать, раскрыть, и приводится, какъ наилучшее обоснованіе. Гдѣ же, спрашивается, жизнь, полная такихъ чудныхъ примѣровъ, гдѣ прошлое, посвященное многолѣтнему изученію многоразличныхъ наукъ? Все это въ нужную минуту какъ бы оставило пишущихъ и скрылось отъ ихъ взора.

Непрїятно поражаютъ читающаго и преувеличенія, встрѣчающіяся въ нѣкоторыхъ поученіяхъ. Съ церковной кафедры не можетъ быть сказано ничто лишнее, ничто невѣрное. Проповѣдникъ замѣняетъ до нѣкоторой степени пророка, вѣстника всли Божїей. Какъ же вѣстникъ Божїй можетъ говорить что-либо несправедливое? Если съ церковной ка-

едрѣ мы не будемъ слышать правды, то гдѣ мы ее услышимъ?

Со стороны формы и изложенія также далеко не всё проповѣди производятъ выгодное впечатлѣніе. Форма не соблюдена, части проповѣди не выдержаны и не соразмѣрены. Изложеніе отличается многочисленными шереховатостями. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: „Богъ Новаго Завѣта“, „любтивное отношеніе“, „учитель Богъ“, „Господь безпристрастенъ“, „идти по стопамъ заповѣдей Господнихъ“, „Его вѣрный апостоль“, „мученія совѣсти прожгутъ ему сердце“, „оскорбитель образа Божія“, „Спаситель терпѣль наговоры“, „Божественный Спаситель“, „Богъ не стерпитъ прегрѣшеній человѣческихъ“, „Богъ вступился“, „требовалъ Христось все прощать и прощать, пожалуй... ругательныя слова“, „величество Божіе“, „оскорбили величіе Творца“, „будучи посѣянъ ничтожнымъ зерномъ“, „звѣрскій, душу раздирающій судъ“, „отъ потерявшаго разумъ фанатика іудея“, „оплевалъ тебя“, „двигательныя нервы жизни человѣческой“ и т. д. Авторы забываютъ, что если наше ухо оскорбляетъ обыкновенно всякая и свѣтская нелитературная рѣчь, то тѣмъ болѣе эта рѣчь оскорбляетъ наше ухо, когда она раздается съ церковной кафедры и посвящена высочайшимъ предметамъ всего знанія человѣческаго и всѣхъ нашихъ самыхъ дорогихъ чаяній.

Встрѣчаются въ проповѣдяхъ строки, отличающіяся напыщенностью. „Когда раздалось немолчное слово, и земля до сихъ поръ „невидима и неустроена“ (Быт. I, 2) обратилась, по истеченіи шести дней, въ чудный и ласкающій своею гармоніей міръ, появился человѣкъ, вѣнецъ творенія. Если рѣдко можно ждать, что изъ рукъ талантливаго художника выйдетъ неискусная работа, такъ трудно было ожидать, что не будетъ верхомъ творчества ума Божьяго въ умственной и тѣлесной организаціи“. „Всюду подступаютъ къ человѣку волны зависти, злобы, подхватываютъ въ свои объятія и душатъ человѣка своею горечью, жгучестью, доводя нерѣдко до самоубійства или же толкая на разныя преступленія“. „Итакъ утверждается раздоръ, будучи посѣянъ ничтожнымъ зерномъ, постепенно разрастается въ пышное дерево, питаемое лестію діаволею“.

Встрѣчаются въ проповѣдяхъ иностранныя слова, которыя

здѣсь должны бы всего менѣе быть терпимы, напр.: „результатъ“, „идея“, „санкціонировать“, „коллективный умъ“, „физически“, „интриги“, „материализмъ“, „инстинктъ“, „скептикъ“, „идеаль“, „узурпаторъ“, „фактъ“, „абсурдъ“, „эгоизмъ“ и т. п. Непонятно, почему находятъ мѣсто въ проповѣдяхъ различные славянизмы, придающіе рѣчи какой-то искусственно елейный тонъ, наприм.: „сей“, „онъ“, „вождедѣнный“, „неизреченный“, „паче“, „гласъ“, „поколику“, „глаголетъ“, „посему“ и проч. На слушателя подобныя слова производятъ самое неприятное впечатлѣніе.

Несвободны проповѣди и отъ грамматическихъ и орфографическихъ недочетовъ, наприм.: „повеленіе“, „замѣдлить“, „повѣленіе“, „трогуютъ“, „разжегаютъ“ и проч. Много встрѣчается невѣрныхъ переносовъ, разстановокъ знаковъ препинаній.

Сочиненія присланныхъ студентовъ почти ничѣмъ не отличаются отъ сочиненій волонтеровъ. Нѣтъ почти никакихъ данныхъ для сужденія и о сравнительномъ успѣхѣ въ этой наукѣ питомцевъ одной семинаріи предъ питомцами другой. Всѣ проповѣди необыкновенно похожи одна на другую. Самымъ высшимъ балломъ на проповѣдяхъ на данную тему былъ баллъ четыре съ минусомъ, поставленный не безъ затрудненій шестерымъ питомцамъ различныхъ семинарій.

е). Представленные экзаменаціонными комиссіями списки съ обозначеніемъ балловъ, полученныхъ явившимися въ Академію лицами на повѣрочныхъ испытаніяхъ, и общую табель сихъ балловъ, составленную секретаремъ Совѣта по окончаніи испытаній.

Справка: 1) §§ 112—113 устава духовныхъ академій: „Изъ числа подвергавшихся повѣрочному испытанію, какъ по вызову академій, такъ и по прошеніямъ, выдержавшіе оное удовлетворительно принимаются: лучшіе—казеннокоштными студентами, а остальные—своекоштными. Своекоштные студенты допускаются въ академію только пансіонерами и живутъ въ зданіяхъ академій, подчиняясь всѣмъ правиламъ, установленнымъ для казеннокоштныхъ студентовъ; число ихъ опредѣляется вмѣстительностью академическихъ зданій“. Примѣчаніе: „Внѣ зданій академіи своекоштнымъ студентамъ дозволяется жить только у родителей“. 2) Предложенныхъ резолюцію Его Высокопреосвященства отъ

27 мая 1902 года за № 2171 къ руководству „Дополнительныхъ правилъ о пріемѣ въ студенты Академіи“ §§ 1—2: „Выдержавшими пріемныя испытанія въ Академію признаются тѣ изъ державшихъ экзаменъ воспитанниковъ, которые займутъ въ спискѣ мѣсто не ниже 50; прочіе же всѣ, независимо отъ того, имѣютъ ли они или не имѣютъ въ городѣ родителей, объявляются въ Академію не принятыми. За условнымъ среднимъ балломъ, установленнымъ существующими академическими правилами, сохраняется значеніе лишь минимума требованій отъ поступающихъ въ Академію, неудовлетворившіе которому не могутъ поступить въ Академію даже и въ томъ случаѣ, если норма не будетъ заполнена“. 3) Условнымъ среднимъ балломъ въ текущемъ 1902 году Совѣтъ Академіи нашель нужнымъ считать баллъ 3—. 4) По опредѣленію Совѣта Академіи отъ 5 іюня текущаго года студентамъ I курса предоставлены были на 1902—1903 учебный годъ слѣдующія стипендіи: имени Святителя Арсенія, Епископа Тверскаго, въ 220 руб., имени Митрополита Московскаго Сергія въ 220 руб., имени профессора В. Д. Кудрявцева-Платонова въ 220 руб., имени діакона С. Ѳ. Каптерева въ 213 р. и двѣ—Г. И. Хлудова по 80 руб. каждая.—Изъ нихъ стипендія имени Митрополита Московскаго Сергія, согласно примѣчанію къ § 3-му Положенія объ оной, „сдѣлавшись свободною, причисляется къ тридцати казеннымъ вакансіямъ перваго курса и только по истеченіи года назначается въ частности тому или другому студенту, избранному Совѣтомъ“. 5) По § 81 лит. б п. 1 академическаго устава „зачисленіе въ студенты Академіи“ значитъ въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе Епархіальнаго Преосвященнаго.

Опредѣлили: 1) По вниманію къ достоинству устныхъ и письменныхъ отвѣтовъ, данныхъ лицами, державшими повѣрочныя испытанія для поступленія въ составъ новаго (LXI) академическаго курса, ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи принять въ число студентовъ I курса Академіи:

- 1) Крутикова Андрея, присланнаго изъ Костромской сем. Качоровскаго Наркисса, присланнаго изъ Волынской сем. Андреева Владиміра, присланнаго изъ Воронежской сем., Гусева Анатоля, присланнаго изъ Тверской семинаріи,